
P 56/1395

ОСАДА

И ВЗЯТІЕ ОЧАКОВА

(1788).

А. РУСОВА.

Оттискъ изъ „Кіевской Старины".

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1888.

Въ вышедшихъ 12 книжкахъ „Кіевской Старины" 1888 года помѣщены слѣдующія статьи: Кіевъ въ 1766 г. **И. В Лучицкаго.**—Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи брацл. Украины. **В. Б. Антоновича.**—Ганна Монтовтъ. Истор.-бытов. очеркъ изъ жизни волынск. дворянства. **О. И. Левицкаго.**—Очеркъ литературной исторіи малорусск. нарѣчія въ XVII в. **П. И. Житецкаго.**—На рубежѣ. Романъ **Равиты.** Пер. съ пол. **К. М.**—Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. **И. В. Теличенка.**—Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. **В. П. Науменка.**—Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Н. И. Петрова.**—Экономическія замѣтки и матеріалы. I. Рудни въ Сѣверщинѣ **П. С. Ефименка.**—Нелишнее слово о виршахъ. **Михайлогорскаго.**—Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **В. П. Горленка.**—Нѣжинская рада 1663 г. **А. А. Востокова**—Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву. **И. М. Каманина.**—Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **А. А. Потебни.**—Историч. очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноап. князь Владиміръ и св. княг. Ольга и имѣемъ ли мы подлинныя ихъ изображенія. **П. Л.**—О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжеств. принятія христіанск. вѣры при св. Владимірѣ. **П. Л.**—Леонардъ Совинскій. **А. В. С—ка.**—Молотники (бытовой разсказъ). **Ганны Барвинокъ.**—Воспоминанія объ Архивѣ Государств. Совѣта. **А. В. Романовича Славатинскаго.** Св. Владиміръ. Лѣтоп. сказ. **П. Л.**—Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра. **Х. П. Ящуржинскаго.**—Болгары и Хазары **П. В. Голубовскаго.**—Кіевляне и Б. Хмельницкій. **И. М. Каманина.**—Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Б. Хмельницкаго. **М. Ф. Владимірскаго-Буданова.**—Обозрѣніе предм. вел.-княж. эпохи въ музеѣ древностей и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **В Б. Антоновича.**—Два предмета кіев. церк.-археол. музея. **Н Бѣляшевскаго.**—Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Его же.**—Памятникъ Б. Хмельницкому.—„Бунтъ" сквирскаго магистрата. **Н. О.**—Порченная (бытовая повѣсть). **Юліи Левицкой-Пащенко.**—Архивы въ Галиціи. **И. А. Линниченка.**—Очеркъ исторіи города Умани. **К. И. Т—аго**—Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Алексѣя Веселовскаго.**—Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **И. Теличенка.**—Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества литовскаго. **С. А. Бершадскаго.**—Первые четыре года ссылки Шевченка. **Н. И Стороженка.**—Слава Богу, для начала и это хорошо! **Мирона.**—Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства **Л.**—Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **Александры Я. Ефименко.**—Графиня Е. М. Румянцева. **И. П. Житецкаго.**—Станиславъ Орѣховскій. **Н. Ѳ Сумцова.**—Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **Ѳадея Р. Рыльскаго.**—Матеріалы для исторіи гайдамачины.—Тарасъ изъ Ворохты. Переводъ съ польскаго. **К. М.**—Люди старой Малороссіи. **Ал. М Лазаревскаго**—Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **В. П. Науменка.**—Г. П. Галаганъ. (Некрологъ). **Ѳ. Г. Мищенка.**—Фатальная вдова. **П. К.** Половинщикъ (бытов. разсказъ) **Ганны Барвинокъ.**—Осада и взятіе Очакова **А. А. Русова.**

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи: В. Б. Антоновича, Д. И. Багалѣя, П. В. Голубовскаго, В. П. Горленка, И. Ж., Г. З., М. За-



ОСАДА и ВЗЯТІЕ ОЧАКОВА
(1788).

I.

О пали, пали,—съ звукомъ съ трескомъ
Пѣшецъ и всадникъ, конь и флотъ!
И самъ со громкимъ вѣрныхъ плескомъ
Очаковъ, силы ихъ оплотъ!

Расторглись крѣпки днѣсь заклепны,—
Самъ Бугъ и Днѣпръ хвалу рекутъ;
Струи Днѣпра великолѣпны
Шумнѣе въ море потекутъ!

Такіе стихи, если и невыразительные, то написанные отъ чистаго сердца, готовила Императрица Екатерина II для встрѣчи своего любимца, свѣтлѣйшаго князя Римской Имперіи, осыпаннаго уже чинами, почестями и орденами отъ разныхъ дворовъ, когда онъ въ началѣ 1789 г. возвращался въ Петербургъ по взятіи Очакова [1]). Встрѣча тріумфатору-побѣдителю готовилась грандіозная: все должно было ликовать, и дѣйствительно, все искренно ликовало вмѣстѣ съ Императрицей. Даже соперники и недоброжелатели свѣтлѣйшаго князя Потемкина забыли на время свою зависть: всѣ понимали, что только взявъ Очаковъ, Россія прочною ногою ступила на берегъ Чернаго моря и уже фактически завладѣла землями между Бугомъ и Днѣстромъ.

А взять этотъ Очаковъ было не такимъ легкимъ дѣломъ, какъ казалось то Императрицѣ за годъ и полтора до его паденія. Много пережила она мучительныхъ минутъ за время отъ начала войны,

---

[1]) Рус. Старина, 1875, іюнь, стр. 161.

которая была объявлена еще 7 сентября 1787 г., до того момента, когда пришло извѣстіе, что 6 декабря 1788 г. пали твердыни Очакова—и „пѣшецъ и всадникъ и флотъ турецкій“. Когда по объявленіи войны поручено было Румянцеву вести 32 тысячную, а Потемкину 78 тысячную армію, при чемъ на расходы первой отпущено $1^1/_2$ милліона, а второй 3 милліона рублей, Императрицѣ казалось еще, что взять Очаковъ—дѣло не болѣе мѣсяца. Она такъ недавно еще была на Днѣпрѣ для обозрѣнія „своего маленькаго хозяйства“, которое ей такъ понравилось. Она видѣла чудеса, показанныя ей княземъ, и обстановка жизни въ осмотрѣнномъ ею краѣ представлялась ей далеко не такою, какою она была въ дѣйствительности. Одинъ изъ ея спутникокъ, бывшій въ Тавридѣ, Кременчугѣ и Херсонѣ за два мѣсяца до ея пріѣзда туда—„не понималъ, что то было такое, что князь тамъ хотѣлъ показать Ея Величеству“. Но когда онъ пріѣхалъ въ тѣ же мѣста съ государыней, то—„Богъ знаетъ, что за чудеса явилися! Чортъ знаетъ откудова взялись строенія, войска, людство, татарва, одѣтая прекрасно, козаки, корабли... Ну, ну Богъ знаетъ что!“ [1]).

Подъ впечатлѣніемъ многолюдства и благоустройства края Императрицѣ вѣрилось, что ея другъ и любимѣйшій изъ подручниковъ, „сынъ счастья и славы“—Потемкинъ лишь только прійдетъ, увидитъ—и покоритъ Очаковъ: „не знаю почему мнѣ кажется, писала она Потемкину 23 сентября 1787 г., что А. В. Суворовъ въ обманъ возьметъ у нихъ (т. е. у турокъ) Очаковъ“ [2]). Но дѣйствительность требовала другаго: вести и содержать войска въ малолюдной степи было не такъ легко; а дѣйствовать новоиспеченнымъ флотомъ съ моря нужно было умѣючи. И вотъ когда за смѣлымъ контръ-объявленіемъ войны въ столицѣ только и говорили про каждаго курьера, пріѣзжавшаго съ юга, что онъ „конечно привезъ извѣстіе о взятіи Очакова“, а на самомъ дѣлѣ отъ главнокомандующаго южной екатеринославской арміей шли печальныя извѣстія о сдѣланныхъ ошибкахъ и о томъ, что война все еще ведется не наступательная, а оборонительная, Екатерина впадала въ уныніе.

¹) Рус. Старина 1876 г. янв. стр. 33.

²) Ib. 1876 г. іюнь, стр. 244.

Потемкинъ тоже сначала погорячился, давъ флоту приказаніе выступить изъ Севастополя въ море. Осеннія черноморскія равноденственныя бури разбили подъ Варною этотъ флотъ, которымъ Потемкинъ думалъ „черезъ годъ предписывать законы Цареграду". Корабли и большіе фрегаты пропали, остались—„все малыя и ненадежныя суда". Князь писалъ Императрицѣ, что его „Богъ бьетъ, а не турки", и впалъ въ ипохондрію. Въ Петербургѣ это дало возможность злымъ языкамъ издѣваться надъ распоряженіями великолѣпнаго князя Тавриды и выражать сомнѣнія на счетъ его счастливой звѣзды, разумѣется тоже въ видѣ колкихъ замѣчаній о слухахъ съ юга.

Моля Бога о спасеніи Кинбурна, который осадили турки съ моря, умоляя князя не малодушествовать и беречь свое здоровье, потому что благо и слава Имперіи поручены теперь его заботамъ, Императрица писала между прочимъ Потемкину: „А публика ищетъ въ свою пользу, и морскіе бои и баталіи складываетъ и Царьградъ бомбардируетъ!"[1]). Послать изъ Балтійскаго моря въ Средиземное новый флотъ подъ командою Грейга на замѣну почти уничтоженнаго севастопольско-херсонскаго флота Императрица уже рѣшила. Но она низачто не хотѣла передать главную команду надъ войскомъ Румянцеву, устранивъ отъ арміи Потемкина, какъ о томъ просилъ ее послѣдній. Даже, пославъ въ его руки уже распоряженіе о передачѣ арміи Румянцеву, она убѣждаетъ его, какъ „лучшаго друга, воспитанника и ученика не рѣшаться на такой шагъ и сдѣлать таки предпріятіе *на Очаковъ либо Бендеры*". И въ то же время она его упрекаетъ въ томъ, что онъ нетерпѣливъ, какъ пятилѣтній ребенокъ.

„...Честь моя и собственная княжая, говорила Екатерина въ октябрѣ 1787 года,—требуютъ, чтобъ онъ не удалялся въ нынѣшнемъ году изъ арміи, не сдѣлавъ какого нибудь славнаго дѣла.— *хотябъ Очаковъ взяли!* Богъ знаетъ почему онъ унываетъ и почти печальныя письма пишетъ. Должно мнѣ теперь весь свѣтъ удостовѣрить, что я, имѣя къ князю неограниченную во всѣхъ дѣлахъ довѣренность, въ выборѣ моемъ не ошиблась"[2]). Закравшееся

---

[1]) Ibidem, стр. 244.

[2]) Рус. Старина, 1876, февр. стр. 263.

въ ея душу сомнѣніе въ успѣхѣ дѣла дало ей много жестоко мучительныхъ дней втеченіе всей осени и зимы того года. По словамъ Гарновскаго она была „въ великой задумчивости", скучала и часто „со слезами на глазахъ пеняла на князя", за то, что онъ по долгу ей не пишетъ.

„Что обо мнѣ думаютъ?" вырвалось у ней однажды восклицаніе въ декабрѣ того же года: „еслибы князь зналъ, каково у меня на сердцѣ, то бы онъ не мучилъ меня долговременнымъ своимъ молчаніемъ" [1]).

Первое извѣстіе о нечеловѣческомъ геройствѣ Суворова, который съ 1000 человѣкъ въ Кинбурнѣ отбился 1-го октября отъ нападенія съ моря Юсуфъ-паши съ отрядомъ 5300 душъ, привело Екатерину въ восторгъ тѣмъ болѣе, что спеціалисты военнаго дѣла трактовали объ этой побѣдѣ Суворова, какъ о чемъ то почти невозможномъ. „Распоряженія турковъ при дессантѣ и аттакѣ Кинбурна, говорили они, разсматривая присланный планъ сраженія,—въ пору было бы и покойному королю Фридриху". Но несмотря на всѣ выгоды положенія турокъ, Суворову удалось какимъ то чудомъ уничтожить всѣхъ нападающихъ, такъ что отъ ихъ дессанта, напавшаго изъ Очакова, не осталось ничего: „коса и окружающія оную воды остались покрыты ихъ трупами", писалъ въ реляціи своей Потемкинъ. Дѣло не обошлось безъ тѣхъ пріемовъ геніальнаго полководца, которые потомъ вошли въ анекдотическую часть почти миѳическихъ сказаній о Суворовѣ: когда сбитые съ мѣста солдаты его побѣжали, онъ упалъ на землю и требовалъ, чтобъ прежде его растоптали, а тогда уже бѣжали, куда глаза глядятъ. Только это, говорятъ, и вывезло суворовскій гарнизонъ, хотя самъ полководецъ въ письмѣ своемъ отъ 3-го октября и въ реляціи о побѣдѣ (отъ 7-го) приписывалъ весь поворотъ къ смѣлости въ рядахъ—геройству гренадера Новикова: „позвольте, свѣтлѣйшій князь, замѣтить, говоритъ онъ: и въ нижнемъ званіи бываетъ герой!"

Турки, кромѣ наступленія пѣшими войсками на косѣ, стрѣляли бомбами, ядрами и картечами съ судовъ, расположившихся въ полувыстрѣлѣ по берегу лимана; Суворову одна бомба засыпала пескомъ

[1]) Рус. Старина, 1885 г. Ноябрь, 449.

лицо, одна картечь попала подъ сердце, пулею прострѣлило руку, а „лошади мордочку отстрѣлили“, какъ писалъ онъ своей дочери въ Смольный институтъ. Но это не мѣшало ему быть по прежнему дѣятельнымъ: на другой и третій день онъ опять мерзъ на батареяхъ, высматривая, что будутъ дѣлать турки, а за писаніемъ реляціи впадалъ въ забытье отъ истощенія послѣ ранъ. Отправляя молебенъ по случаю этой побѣды, императрица сказала: „Хорошо, что Александръ Васильевичъ поставилъ насъ на колѣни, но жаль, что старика ранили!“ Она хотѣла дать „старику“ Андреевскую ленту, но изъ за „консидерацій“ не рѣшалась на то безъ представленія со стороны Потемкина; въ письмѣ къ послѣднему она просила у него по этому дѣлу „дружескаго совѣта“; для остальныхъ же кинбурнскихъ героевъ собственноручно укладывала въ коробочку всѣ ленты къ орденамъ, которыя „съ великимъ трудомъ пріисканы могли быть“ въ столицѣ.

Въ столицѣ вѣсть о побѣдѣ губернаторъ торжественно читалъ народу, и ей радовались болѣе чѣмъ другимъ, желая хоть тѣмъ утѣшить императрицу. Она и сама себя хотѣла бы утѣшить, но не могла не печалиться, когда приходили вѣсти, что для войска мало хлѣба найдено въ Польшѣ, а изъ Галиціи австрійцы ничего не хотятъ дать, сберегая запасы для себя. Утѣшая главнокомандующаго, она велѣла ему на ея собственныя средства накупить тысячъ на сто барановъ и быковъ на мясо солдатамъ. Всѣ эти заботы не давали ей покою и отзывались на состояніи здоровья; впослѣдствіи она признавалась Потемкину, что съ 1784 года до 1790 портные все „убавляли ей платья“, и только въ 1790 году они оказались узкими, такъ что стало необходимо „паки прибавить мѣру“ [1]).

Австрійскій императоръ медлилъ принять активное участіе въ войнѣ, а французскій дворъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы помирить Россію съ Турціей. Но мириться, когда настоящая война еще и не начиналась, а къ ней только дѣлались запоздалыя приготовленія, было непрактично, да и требованія со стороны Турціи могли бы быть слишкомъ унизительны для державы, задумавшей покончить съ магометанскимъ міромъ посредствомъ „греческаго прожекта“.

---

[1]) Рус. Старина, 1875 г. окт. 227.

Не весело было и князю Потемкину. Проводивъ императрицу до Харькова послѣ ея путешествія съ императоромъ римскимъ и королемъ польскимъ въ Херсонъ и Крымъ, онъ оставался нѣкоторое время въ Кременчугѣ, а затѣмъ переѣхалъ въ Елисаветградъ. Еще въ концѣ лѣта 1787 года никто не зналъ въ столицѣ, что будетъ дальше, куда и какое князь получитъ назначеніе. А его судьба интересовала всѣхъ. Говорили, будто онъ собирается ѣхать въ Варшаву: „тамъ долженъ быть чрезвычайный сеймъ, на которомъ изберутъ Его Свѣтлость въ наслѣдники королю польскому“ [1]). Князь же тѣмъ временемъ сидѣлъ въ Елисаветградѣ, дѣлалъ какія то непонятныя распоряженія на мѣстѣ, а въ столицу писалъ, что крайне необходимъ „сильный наборъ“ по 3 души съ 500 человѣкъ. Наконецъ, когда война была объявлена, ему пришлось формировать армію вдали отъ береговъ Чернаго моря, которые были открыты для нападеній турокъ. Гибель у Варны флота, на постройку котораго было истрачено столько милліоновъ и который такъ ласкалъ взоры императрицы въ бытность ея въ Херсонѣ и Севастополѣ; безпорядки по постройкѣ Херсона и его верфи; невозможность строить тутъ новые корабли,—все это не давало Потемкину спать. На показъ императрицѣ—и городъ Херсонъ, и его верфь были хороши, но для серьезнаго дѣла оказывались несостоятельными. Октябрь и ноябрь князь провелъ въ лихорадочной дѣятельности, хотя и въ уныніи, граничащемъ съ отчаяніемъ. 13-го октября онъ поѣхалъ „въ Херсонъ, Кинбурнъ и на флотъ“, и сдѣлалъ за 10 дней 700 верстъ. Императрицѣ писалъ онъ поэтому рѣдко, но уже утверждалъ, что теперь нужно слѣдовать пословицѣ: „тише ѣдешь, дальше будешь“. 24-го ноября мы опять видимъ его въ Херсонѣ, откуда онъ пишетъ Суворову въ Кинбурнъ; „тутъ все очень запутано, и полки на работѣ египетской, коихъ и внутренность не у всѣхъ исправна“ [2]).

Нужно было думать и объ оборонѣ Херсона, и объ осадѣ Очакова, и объ укрѣпленіи Кинбурна; но и изъ Херсона оторвать людей и дать ихъ на помощь Кинбурну было нельзя; нельзя было не думать и о флотѣ, такъ какъ „буря, которая по выраженію импе-

---

[1]) „Рус. Старина“, 1876 г. февраль, 241.

[2]) „Рус. Стар.“ 1875. май, 22.

ратрицы, щелкала севастопольскій флотъ, сдѣлала оный совсѣмъ неупотребительнымъ" и онъ чинился въ Севастополѣ. Государыню очень интересовало, правда ли, что корабль, названный „Слава Екатерины", брошенный на произволъ судьбы адмираломъ Войновичемъ, попался въ руки турокъ. Она просила Потемкина, если это такъ, переименовать корабль.

А въ столицѣ злые языки распространяли слухи, что постройка Херсона изъ камня, приведшаго въ восторгъ императрицу, тоже — не совсѣмъ чистое дѣло.

— Охъ ужъ эта плита! говорилъ нѣкій Архаровъ: кричали, писали о Херсонѣ, а сами же и говорятъ тѣ, которые тамъ были, что настроивши изъ плиты домовъ, жить кромѣ мазанокъ негдѣ [1]).

Въ декабрѣ, по свидѣтельству Гарновскаго, „нѣкоторые возъимѣли дерзость даже судить, что будто бы случившійся въ Херсонѣ пожаръ есть ничто иное, какъ вымыселъ Корсакова (строителя Херсона), который, желая обогатиться, вознамѣрился показать бывшія въ вѣдомствѣ его деньги погибшими въ пожарѣ и строенія такія погорѣвшими, которыхъ никогда не существовало" [2]).

Насколько въ этихъ слухахъ было правды,—для Потемкина было безразлично, ибо сама императрица во время своего путешествія признала вполнѣ способными людей, выбранныхъ имъ для постройки Херсона; но осмотръ Херсона показалъ ему, что наскоро тутъ не построишь кораблей; безъ нихъ же нападать на Очаковъ только съ суши было бы безразсудно. Обѣщанный флотъ изъ Балтійскаго моря могъ прійти въ Архипелагъ очень поздно, могъ понадобиться, наконецъ, и на сѣверѣ въ виду осложненія отношеній съ Швеціей (какъ то дѣйствительно и случилось впослѣдствіи). Императрица же писала князю: „понеже кинбурнская сторона важна, а въ оной покой не можетъ быть, *дондеже Очаковъ существуетъ въ рукахъ непріятеля, то поневолѣ нужно подумать объ осадѣ его*" [3]).

Приходилось создавать флотъ почти изъ ничего. Много ночей не поспалъ свѣтлѣйшій князь и много ногтей изгрызъ по своему

---

[1]) „Рус. Стар." 1876, февр., стр. 244.

[2]) Ib. 1876. мартъ стр. 492.

[3]) Ib., 1876, іюнь, 257.

обыкновенію, почесывая при этомъ затылокъ, пока нашелъ возможнымъ изъ ничего создать кое что. Начало къ выходу изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ положено было еще раньше. Еще въ бытность императрицы въ Кременчугѣ запорожскіе старшины Сидоръ Бѣлый и Антонъ Головатый, несмотря на разгромъ Сѣчи, поднесли Ея Величеству отъ имени своего уничтоженнаго войска адресъ, въ которомъ просили позволенія служить по прежнему. Уже 20-го августа имъ разрѣшено было собирать волонтеровъ конныхъ и пѣшихъ „для лодокъ", при чемъ оба эти запорожца названы были „секундъ майорами" [1]). Отпущенъ былъ для нихъ провіантъ и фуражъ, обѣщана земля, и вотъ въ Бериславъ стали собираться къ новому начальству закаленные въ Сѣчи „лыцари", разбредшіеся было по хуторамъ, но не желавшіе попасть въ крѣпостные къ новой аристократіи, размежевавшей между собой ихъ земли.

Въ октябрѣ еще одинъ такой запорожецъ Харько Чепига (въ ордерахъ Потемкина называемый то Харитономъ, то Захаріемъ) также предложилъ свои услуги собрать волонтеровъ — „къ изъявленію противъ враговъ христіанства мужественныхъ подвиговъ своихъ". Его услуги тоже были приняты. Понемногу стало составляться новое войско „вѣрныхъ запорожскихъ козаковъ".

Такъ сбывалось пророчество пѣсни про разоренье Сѣчи:

„Зруйнувалы Запорожжя,
Буде колысь треба!"

Но неужели Грицьку Нечосѣ, бывшему братчику Кущевскаго куриня, такъ вѣроломно поступившему съ представителями славнаго войска запорожскаго при уничтоженіи Сѣчи въ 1775 г., необходимы были эти заигрыванья передъ какою нибудь тысячью оборванныхъ „бродягъ", недавно еще квалифицированныхъ имъ, какъ людей ни къ чему непригодныхъ кромѣ буйства, — теперь, когда онъ стоялъ во главѣ чуть не стотысячной арміи? Дѣйствія и факты говорятъ, что въ самомъ дѣлѣ пришло время пожалѣть объ уничтоженіи запорожскаго козачества.

Хотя армія, въ виду предполагавшейся новой войны съ Турціею, была переформирована въ 1783 г. и увеличена въ 1785 и

[1]) Короленко, Черноморцы, Спб., 1874, стр. 213.

1786 г., а на порохъ и свинецъ ежегодно стали отпускать по 23,000 р., но чтобы поразить агарянъ въ ихъ „кочовыськахъ", показанной выше цифры войска было недостаточно,—не потому, чтобы она была мала, а потому, что войско не было приготовлено все на мѣстѣ, когда врагъ имени христіанскаго, какъ было сказано въ манифестѣ, „увѣнчалъ коварство наглостью", посадивъ министра и посла Булгакова въ тюрьму, и когда второпяхъ была объявлена война [1]). На это указываетъ письмо императора австрійскаго Іосифа II къ фельдмаршалу Ласси отъ 7—19 мая 1787 г. изъ Койдака, гдѣ онъ встрѣтилъ императрицу во время ея путешествія на югъ. Такъ какъ онъ вступилъ съ императрицею въ переписку по вопросу объ изгнаніи изъ Европы „врага имени Христова" еще въ 1781—1782 г., когда между ними и состоялось секретное соглашеніе по „великому плану" созданія греческой имперіи и христіанскаго княжества Дакіи, то поѣздка его съ императрицею по берегу Днѣпра въ Херсонъ и Крымъ имѣли для него значеніе личнаго ознакомленія съ царствомъ, съ которымъ онъ вступилъ въ договоръ. Сообщая о всемъ, что онъ видѣлъ, онъ писалъ своему фельдмаршалу, что „вмѣсто 100,000 войска, о которыхъ говорили, въ этой области едва найдется 40,000", и прибавлялъ при этомъ: „еще Богъ вѣсть, каково въ другихъ областяхъ, которыхъ я не видѣлъ. Всю легкую кавалерію приходится довольствовать однимъ подножнымъ кормомъ; овса нѣтъ вовсе въ этихъ степяхъ, гдѣ почти нечего ѣсть, и у лошадей подвело порядкомъ животы" [2]). Лѣтомъ онъ возвратился изъ степей южнорусскихъ домой, вовсе не предполагая, что война съ Турціею начнется такъ скоро. Зимою, по словамъ императрицы, ей нельзя смѣло разсчитывать на помощь Австріи, такъ какъ по договору декабрь, январь и февраль исключались изъ движенія войскъ. Цесарь, по ея словамъ, также „не болѣе какъ и мы ожидалъ войны, какъ и мы также не готовъ" былъ, и потому втеченіи всей осени не сдѣлалъ ничего. А на мѣстѣ у Румянцова и Потемкина было еще очень мало войска. Румянцевъ писалъ императрицѣ, что „козаки не бывали къ нему", что нужно дѣлать подвижные мосты для перевоза артилле-

---

[1]) Полное Собр. Зак. XXII. №№ 16.508, 16.567.

[2]) „Русскій Архивъ", 1880, кн. I, стр. 357.

ріи. Потемкинъ просилъ прислать къ нему Преображенскую бомбардирскую роту для осады Очакова, пригласить въ адмиралы Кингсбергена, такъ какъ по его соображенію выходило, „что въ трехъ мѣстахъ надобно будетъ флотомъ брать". На помощь Суворову онъ просилъ прислать флигель-адъютантомъ его племянника Горчакова. О состояніи войскъ онъ не писалъ; но если мы обратимся къ характеристикѣ этого состоянія, какую сдѣлалъ будущій союзникъ Россіи Іосифъ II, то можемъ придти къ заключенію, что оно было плачевное. Солдаты, получавшіе по $1^1/_2$ руб. въ годъ, часто ходили безъ рубахъ; комплектъ полковъ былъ далеко не полный: полкъ долженъ былъ состоять изъ 4-хъ батальоновъ по 4 роты въ 200 солдатъ въ каждомъ; на дѣлѣ же полки состояли развѣ изъ 700 человѣкъ. Корабли, построенные изъ сыраго лѣса, по мнѣнію Іосифа, годились только для показа императрицѣ, а затѣмъ имъ предстояло гнить; матросы, набранные только что въ рекруты, не умѣли лазить по мачтамъ, падали и ломали руки и ноги и т. д.[1]).

Тѣмъ временемъ въ прибывшихъ уже на мѣсто войскахъ начались болѣзни. „Что у тебя больныхъ много,—сіе весьма печально слышать",—или „о томъ весьма жалѣю",—не разъ писала Екатерина Потемкину въ теченіе осени и зимы, требуя отъ него ежемѣсячныхъ рапортовъ объ убыли въ войскахъ. Но за разъѣздами и хлопотами онъ и этого не успѣвалъ дѣлать, такъ что императрица упрекала его: „изъ всѣхъ губерній я имѣю донесенія по два раза въ мѣсяцъ, а изъ губерніи моего имени и разъ въ мѣсяцъ не могу добиться: c'est me faire mourir de mille morts, mais pas d'une"[2]).

Далеко не все на театрѣ войны шло, какъ по писанному; оттого Потемкинъ или ничего не писалъ, или если и писалъ вначалѣ, то только отчаянныя письма, прося даже смѣнить его съ должности главнокомандующаго. Легко было задумать проектъ завоеванія Константинополя и разрушенія турецкой имперіи—но до исполненія его въ 1787 г. было очень далеко.

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1873. іюль, 160—161. Также Русскій Архивъ Ib., 336—364.

[2]) „Рус. Стар.", 1876, іюль, 443, 446, 447

II.

Ухватившись, какъ за соломинку, за планъ созданія, сверхъ регулярной арміи, волонтерскихъ легкоконныхъ полковъ и дешевой флотиліи изъ оставшихся запорожцевъ, умѣвшихъ вести морскія сраженія на абордажѣ, Потемкинъ по этому поводу послалъ нѣсколько представленій и донесеній государынѣ въ самомъ концѣ 1787 г. и въ началѣ 1788 г. Разъ онъ нашелъ выходъ,—тонъ его писемъ къ императрицѣ перемѣнился; онъ уже „съ оскорбленіемъ принялъ ея мысли", будто въ его дѣйствіяхъ „колебленность мѣсто могла имѣть". Въ частномъ письмѣ къ нему отъ 11-го января императрица, замѣтивъ перемѣну въ его тонѣ, старалась еще болѣе ободрить его, въ особенности по случаю его болѣзни по возвращеніи изъ Херсона: „я духъ и душевныя силы моего ученика знаю и вѣдаю, что его на все достанетъ"... „Если тебѣ удастся переманить запорожцевъ, прибавляла она при этомъ,—то сдѣлаешь еще доброе дѣло, есть ли поселишь ихъ въ Тамани: je crois que c'est vraiment leur place". Оффиціально же, вслѣдствіе представленій Потемкина, 14 янв. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объявить подполковнику Сидору Бѣлому и прочимъ старшинамъ бывшаго войска запорожскаго монаршее благоволеніе, отвести имъ земли въ Керченскомъ Куту или на Тамани, или въ другомъ мѣстѣ по усмотрѣнію князя; при этомъ дозволялось вмѣстѣ съ ними селиться и всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ къ нимъ возвратиться съ непріятельской стороны; этимъ предоставлялось, значитъ, Потемкину переманивать въ новое запорожское войско и тѣхъ запорожцевъ, которые бѣжали за Дунай, разумѣется, если они раскаются. Сверхъ того Потемкину было разрѣшено скупать только что розданныя имъ земли у помѣщиковъ херсонскаго и елисаветградскаго уѣздовъ между рѣкъ Буга и Ингульца, „обитателей оныхъ учреждая военными". Но видно изъ мѣстныхъ жителей нельзя было собрать нужнаго Потемкину числа волонтеровъ, напоминавшихъ старыхъ запорожцевъ; тѣмъ же именнымъ указомъ, согласно представленію Потемкина, ему было разрѣшено принимать къ козачьему корпусу однодворцевъ города Чугуева, исключивъ ихъ изъ подушнаго оклада; жителей раскольничьихъ слободъ въ екатеринославской губ. устроить также козаками по примѣру донскихъ, позволяя число ихъ

умножать „выходцами изъ Польши имъ подобными". Значитъ, не только люди запорожскаго закала, но даже гайдамаки понадобились теперь князю Потемкину. Наконецъ, очевидно въ силу того, что людей конныхъ у князя былъ большой недостатокъ, приняты были мѣры для удержанія въ рядахъ войска выслужившихъ установленный срокъ (15 лѣтъ) въ легкой конницѣ: тѣмъ изъ нихъ, кто прослужитъ сверхъ срока еще 5 лѣтъ, положено выдавать золотую медаль, кто же не менѣе 3-хъ лѣтъ—серебряную. Въ именномъ указѣ императрицы было сказано, что всѣ эти мѣры, предложенныя княземъ, высочайше апробуются, такъ какъ онѣ относятся къ „дознанной вашей ревности къ Нашей пользѣ, для которой не упускаете вы ни единаго удобнаго случая" [1]).

Изъ всего этого видно, что Потемкинъ только съ начала новаго года сталъ собирать силы, какія по осмотрѣ всего наличнаго состоянія арміи оказались для нея необходимыми. Еще и позже, весною онъ дѣлалъ предложенія императрицѣ, клонящіяся къ увеличенію арміи волонтерами и къ освобожденію отъ другихъ занятій мѣстныхъ силъ, какія только могли быть пріурочены къ войнѣ. На постройку города Херсона до сихъ поръ отправлялись колодники и каторжники, приговоренные къ ссылкѣ судомъ; они требовали присмотра со стороны мѣстнаго гарнизона; на верфи и въ городѣ были сверхъ того рабочія военныя роты солдатъ, которыя также могли быть употреблены въ дѣло. И вотъ, по рапорту Потемкина, что въ виду военныхъ дѣйствій работы по постройкѣ Херсона могутъ быть пріостановлены, 15 марта 1788 г. вышелъ сенатскій указъ, которымъ предписывалось не ссылать болѣе въ Херсонъ каторжныхъ,— „тѣмъ паче, что и близкое сосѣдство непріятеля требуетъ умноженія за ними стражи" [2]). Этимъ способомъ Потемкинъ увеличилъ свое войско пѣшими силами; по крайней мѣрѣ мы видимъ бывшаго строителя г. Херсона Н. И. Корсакова подъ Очаковымъ, гдѣ онъ и былъ убитъ во время осады [3]).

---

[1]) Полн. Собр. Закон. т. XXII, № 16, 605,

[2]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXII, № 16,634.

[3]) На могилѣ его въ Херсонѣ находится такая надпись:

Здесь другъ отечества, почтенный мужъ Корсаковъ
Къ желанію сыновъ Россіи погребенъ.

Кромѣ пѣхоты, Потемкину нужны были и конные люди,—и вотъ онъ предлагаетъ еще одинъ новый планъ о составленіи казачьяго войска изъ ямщиковъ и мѣщанъ; первая мысль о таковомъ войскѣ принята императрицею съ радостью; указомъ 20 апрѣля она предложила Потемкину разработать предлагаемый имъ планъ и указать ей, какимъ образомъ „привести его въ дѣйство". Разработка этого плана потребовала однако долгихъ справокъ, такъ что только 7-го октября 1788 г. послѣдовалъ именной указъ о выборѣ 1000 человѣкъ изъ 18,122 ямщиковъ и о составленіи изъ нихъ козачьяго полка по образцу Донскаго—„до окончанія нынѣшней войны" [1]).

Таковы были мѣры, предпринятыя Потемкинымъ для пополненія предполагаемой стотысячной арміи болѣе подходящими для нуждъ войны людьми. Первое мѣсто между ними занимали „вѣрные Запорожскіе козаки". Ихъ собралось впослѣдствіи болѣе 12½ тысячъ. Въ февралѣ 1788 г. по указу Ея Императорскаго Величества Суворовъ передалъ имъ бѣлое войсковое знамя большое, нѣсколько малыхъ для куреней, число которыхъ могло увеличиваться, булаву кошеваго и перначи, войсковую печать выслалъ князь Потемкинъ изъ Елисаветграда только въ маѣ. Кошевымъ новаго войска запорожскаго назначенъ былъ Сидоръ Бѣлый, войсковымъ судьею Антонъ Головатый, войсковымъ писаремъ—Подлясецкій, войсковымъ эсауломъ—Кобинякъ и войсковымъ полковникомъ Савва Бѣлый. Чепига получилъ отъ Кутузова перначъ въ качествѣ помощника кошеваго и начальство надъ лодками у Глубокой пристани. Самъ Кошъ устроился на Кинбурнской сторонѣ.

Кромѣ „вѣрныхъ Запорожцевъ", князю Потемкину удалось вернуть въ новое войско до 1000 душъ бѣжавшихъ на Дунай запорожцевъ, хотя всѣмъ войскомъ запорожцы не захотѣли возвратиться несмотря на то, что Чепига два раза просилъ ихъ о томъ. Старики, знавшіе, что на слова Потемкина положиться нельзя, не повѣ-

---

Онъ строилъ городъ сей и осаждалъ Очаковъ,
Гдѣ бодрый духъ его отъ тѣла отлученъ.

Инженеръ господинъ полковникъ и орденовъ св. Владиміра, Побѣдоносца Георгія и св. равноапостольнаго князя Владиміра кавалеръ Николай Ивановичъ скончался 1788 году, августа 24 дня.

[1]) Полн. Собр. Закон. т. XXII, №№ 16,647 и 16,718.

рили его обѣщаніямъ будущихъ благъ, и только молодежь, всегда жаждущая подвиговъ, переходила по одиночкѣ подъ знамена Суворова [1]). Недовѣріе стариковъ было основательно, такъ какъ возстановляя запорожское войско, императрица въ февралѣ уже писала Потемкину: „что вѣрные Запорожцы вѣрно служатъ—сіе похвально, но имя Запорожцевъ старайся замѣнить инымъ, ибо Сѣча, уничтоженная манифестомъ, не оставила по себѣ умамъ пріятное прозваніе; въ людяхъ же не знающихъ чтобъ не возбуждалась мечта, будто за нужное нашли возстановить Сѣчу либо названіе ея" [2]).

Впослѣдствіи Потемкинъ вполнѣ послѣдовалъ этому совѣту. Поселивъ сначала „вѣрныхъ запорожцевъ" въ очаковской области, гдѣ далъ имъ 4 лимана и землю „по Бендерскую дорогу" [3]), онъ переименовалъ ихъ въ черноморское войско съ центральнымъ пунктомъ въ Слободзеѣ, а затѣмъ перевелъ ихъ на Тамань.

Собирая новыя войска и укомплектовывая существовавшія, Потемкинъ иногда думалъ о способахъ продовольствія этихъ войскъ. 1787 годъ былъ неурожайный, какъ и два предъидущіе; хлѣбъ дѣлали пополамъ съ соломою; по слухамъ въ Москвѣ даже были случаи голодной смерти; а въ Петербургѣ голодъ довелъ до упорнаго бунта рабочихъ, которые съ требованіемъ увеличенія платы являлись къ самому дворцу. Лучше всего повсемѣстный недостатокъ хлѣба въ Россіи видѣнъ изъ разсужденій Щербатова „О голодѣ" и „Состояніи Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ началѣ Турецкой войны": въ 1760 году четверть ржи стоила еще 86 коп., въ 1763—95 коп., въ 1773—2 р. 19 коп., а въ 1787—уже 7 р. [4]). Въ виду всего этого правительство при объявленіи войны тотчасъ же приняло мѣры для заготовленія продовольствія. Въ намѣстничествахъ бѣлорусскомъ, смоленскомъ, новгородъ-сѣверскомъ, харьковскомъ, курскомъ, тамбовскомъ и екатеринославскомъ былъ объявленъ подушный сборъ по 3 четверти ржи и $1\frac{1}{2}$ гарнца крупъ съ души съ уплатою по стоящимъ цѣнамъ, съ запрещеніемъ кулакамъ скупать хлѣбъ для продажи правительству, а всѣмъ вообще повы-

---

[1]) *Короленко.* Черноморцы. См. Приложенія III, IV, V, стр. 7.

[2]) Рус. Стар., 1876 г., іюль, стр. 450.

[3]) Кіевская Старина, 1882, т. II, стр. 555 и 1883, т. I, стр. 44—45.

[4]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1873, іюль, стр. 163.

шать цѣны, существовавшія до объявленія войны. Магазины, общіе для всѣхъ формировавшихся армій, были учреждены въ Кіевѣ, Переяславѣ, Кременчугѣ и Екатеринославѣ; сѣверная или украинская армія, которая должна была идти по границамъ Польши за Днѣстръ и Прутъ, была хорошо обезпечена въ своемъ движеніи магазинами: пунктами для нихъ были назначены 13 мѣстечекъ и городовъ нынѣшней кіевской и подольской губерніи и 11 пунктовъ за Днѣстромъ. Для южной же арміи Потемкина въ степи имѣлось только 3 такихъ пункта для магазиновъ на Бугѣ: Ольвіополь, Вознесенскъ и Богоявленскъ—селеніе у нынѣшняго Николаева, которое раньше называлось Витовтовою банею [1]).

Содержать армію въ нѣсколько десятковъ тысячъ людей изъ этихъ трехъ магазиновъ, отрѣзанныхъ дикою степью и отъ Малороссіи, и отъ Балты, которая могла служить пунктомъ отправленія хлѣба сюда, было не легко, хотя перевозка запасовъ для пополненія магазиновъ должна была совершаться мѣстными средствами края съ платою по 12 коп. отъ 10 верстъ, но найти чумаковъ въ степи было негдѣ. Нужно было создать и перевозочныя средства. И вотъ 29 декабря 1787 г. Потемкинъ даетъ приказъ екатеринославскому губернатору, строителю города Екатеринослава, генералъ-майору Синельникову о заготовленіи 2000 четырехволовыхъ фуръ на 70 пуд. сухарей каждая. Расписывая въ своемъ приказѣ подробно, каковы должны быть фуры и что должно быть при каждой (мазница съ дегтемъ, важница съ дрючкомъ, двоило съ гужемъ, канатъ, топоръ, свердло, долото, запасныя колеса и ось), онъ отпускалъ 100,000 руб. для раздачи тотчасъ же предводителямъ дворянства, чтобы въ заготовленіи одной тысячи фуръ и воловъ дворяне „предуспѣть могли, справя все то хотя въ половинѣ февраля мѣсяца“ [2]); другую тысячу фуръ приказано было покупать черезъ провіантскихъ чиновниковъ. Эти фуры съ волами должны были собираться у Днѣпра въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ легче могли быть продовольствованы волы и гдѣ была удобнѣе переправа. Весь такимъ образомъ устроенный подвижной

---

[1]) *Шмидтъ*, Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Херсонская губ. 1863, ч. I, стр. 11.

[2]) Вторая Турецкая война въ царств. Императр. Екатерины II. Составилъ генеральн. штаба полк. *А. Н. Петровъ*. Спб. 1880, т. I, стр 86 и прилож. 3.

магазинъ долженъ былъ состоять изъ 14 бригадъ по 200 четырехволовыхъ повозокъ въ каждой.

Рекруты для пополненія потемкинской арміи могли идти сюда черезъ Екатеринославъ, отъ котораго на всемъ пространствѣ до Буга встрѣчались лишь небольшія села и деревни, рѣдко разбросанныя въ степи. Если не считать деревенекъ и хуторовъ частныхъ владѣльцевъ, только что получившихъ здѣсь земли и едва начавшихъ устраивать свое хозяйство, то по переписи 1787 г. на всемъ пространствѣ нынѣшнихъ уѣздовъ елисаветградскаго, александрійскаго верхнеднѣпровскаго, екатеринославскаго и херсонскаго оказалось только 146 поселеній государственныхъ крестьянъ разныхъ наименованій. Въ нихъ было 58,174 ревизскихъ душъ мужескаго пола [1]) или всего населенія около 116,000 душъ. Если мы положимъ еще тысячъ 30—40 душъ на новообразованныя деревни переселившихся сюда съ 1775 г. помѣщиковъ, то все населеніе страны, имѣющей 52 тысячи квадр. верстъ, выйдетъ для 1787 года тысячъ 150, или по 3 души на 1 кв. версту. Разсчитывать на пособіе для стотысячной арміи со стороны такого малолюднаго населенія, освобожденнаго еще при томъ отъ многихъ повинностей, конечно было нельзя. Всю обстановку для приходящихъ войскъ Потемкинъ долженъ былъ заготовить самъ: онъ велѣлъ строить казармы, землянки, выписывалъ войлочныя кибитки съ Кавказа и Кубани и писалъ Суворову, какъ лучше устанавливать ихъ, построилъ три госпиталя, конечно въ тѣхъ же пунктахъ—Херсонѣ, Богоявленскѣ и Ольвіополѣ, такъ какъ другихъ большихъ населенныхъ мѣстъ по Бугу не было. Хроническіе больные могли поступать только въ херсонскій госпиталь; остальныхъ онъ подраздѣлилъ ее на два разряда (тяжело больныхъ и слабыхъ), распорядился объ отдѣленіи заразныхъ больныхъ, опредѣлилъ пищу для нихъ, порціи и т. п. Многія изъ распоряженій и разъясненій по этой части писаны рукою самого князя. Хлопотъ было не мало, но князь оправдалъ довѣріе императрицы и справился со всѣмъ.

Зима 1787—88 года, когда прекратились военныя дѣйствія, принесла новое радостное извѣстіе: въ концѣ января (29-го) „и цесарцы, какъ говоритъ Гарновскій, противъ Агарянъ возстать уже

[1]) Полн. Собр. Зак., 1830 г. т. XXII, стр. 1005—1008.

дерзнули", другими словами, Австрія объявила войну Турціи и выставила на границу также 100 тысячную армію. Потемкинъ воспрянулъ духомъ и отъ этого извѣстія, и отъ того, что у него самого дѣло уже было налажено. Въ Кременчугѣ строились лодки для новой запорожской „гребной флотиліи", о которыхъ 2 марта онъ писалъ Суворову, что чуть только Днѣпръ пройдетъ. 75 такихъ лодокъ будутъ спущены черезъ пороги въ лиманъ: „есть либы сіе строилося въ адмиралтействѣ (т. е. въ Херсонѣ), прибавлялъ онъ въ своей запискѣ, то бы никогда ихъ недождалися" [1]).

Списочное состояніе екатеринославской арміи по вѣдомости, составленной 18 марта 1788 г., въ драгунскихъ, легкоконныхъ, гренадерскихъ, мушкатерскихъ, егерскихъ полкахъ, артиллерійскихъ командахъ и козачьихъ войскахъ донскихъ, екатеринославскихъ и и бугскихъ—простиралось до 117$^1/_2$ тысячъ; но по этой вѣдомости значилось до 10 тысячъ больныхъ, 3$^1/_2$ тысячъ умершихъ, болѣе 2-хъ тысячъ въ отлучкахъ и до 20,000 требуемыхъ по комплекту, но не бывшихъ еще на мѣстѣ [2]). Такимъ образомъ на лицо, за исключеніемъ больныхъ и иррегулярныхъ запорожцевъ и флотскихъ, было 82,000.

Свѣтлѣйшій князь чувствовалъ себя уже въ своей тарелкѣ, когда къ нему отъ императора австрійскаго пріѣхалъ корреспондентомъ принцъ де-Линь и сталъ его въ свою очередь торопить къ осадѣ Очакова. Ему князь говорилъ, что войскъ у него мало, тогда какъ турокъ много повсюду во всѣхъ крѣпостяхъ, что спѣшить некуда да и думать пока нельзя объ успѣхѣ. Только на настоятельные вопросы императора о планѣ предпринимаемой имъ кампаніи онъ отвѣтилъ неопредѣленно: „Avec l'aide de Dieu, j'attaquerai tout ce qui sera entre le Bog et le Dniester".

Изъ характера этого отвѣта можно видѣть, что весною 1788 г. онъ еще не зналъ, какъ скоро онъ будетъ готовъ встрѣтить непріятеля, гдѣ и какого онъ встрѣтитъ, будетъ ли онъ вести наступательную или только оборонительную войну, если турецкія войска перейдутъ Днѣстръ ему навстрѣчу.

---

[1]) Рус. Старина, 1875 г. май, стр. 29.

[2]) *Петровъ*. Вторая турецкая война. Т. I. Прил. 14.

По диспозиціи войскъ, составленной 4-го апрѣля, армія Румянцева (украинская) должна была прикрывать Польшу и помогать Австріи взять Хотинъ и Бѣлградъ (Аккерманъ). Потемкину же (екатеринославская армія) предстояло охранять Крымъ и взять Очаковъ. Въ необходимости идти именно на осаду Очакова онъ убѣдился только въ концѣ апрѣля мѣсяца, когда сообщалъ Суворову о принятомъ планѣ дѣйствій, объ осадѣ Очакова и о томъ, какіе города и крѣпости пріидется брать послѣ Очакова. Только теперь, въ виду бездѣйствія турокъ, является у него опредѣленный планъ, и онъ пишетъ Суворову просто и коротко: „Очаковъ непремѣнно взять должно; я все употреблю, надѣясь на Бога, чтобы достался онъ дешево". (29 апрѣля 1788). Для Суворова, который нерѣшительное предписаніе, предоставлявшее на его усмотрѣніе идти въ аттаку или нѣтъ, любилъ истолковывать, какъ прямое приказаніе дѣйствовать, такой тонъ былъ совершенно ясенъ; понятно было для него и желаніе „дешево получить Очаковъ" съ тѣмъ, чтобы идти затѣмъ на Хотинъ и Бендеры. Жаль, что этотъ полководецъ умѣлъ только дѣйствовать и писать краткія реляціи о своихъ совершившихся уже побѣдахъ или приказы и извѣстія о томъ, что онъ будетъ дѣлать завтра, а не занимался предположеніями о далекомъ будущемъ. Изъ его отвѣтовъ Потемкину на мнѣнія послѣдняго многое можно было бы узнать о томъ, какъ смотрѣлъ этотъ знаменитый спеціалистъ военнаго дѣла на Очаковъ и крѣпость его стѣнъ для нападенія. Но мы не имѣемъ такихъ указаній и опредѣленій спеціалистовъ и должны хоть какъ нибудь познакомить читателей съ тѣмъ, что такое былъ этотъ Очаковъ, возбудившій столько разговоровъ 100 лѣтъ тому назадъ и на югѣ, и на сѣверѣ, и на западѣ Европы и заставившій музу Державина въ извѣстномъ его стихотвореніи на осень 1788 года, выражая всеобщее ожиданіе „Россовъ" взятія Очакова, „въ восторгѣ томномъ" сей стихъ бряцать:

Приди *желанна вѣсть*,—и лира
Любовь и славу воспоетъ!

- — -

III.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ воды Днѣпровскаго лимана сливаются съ водами Чернаго моря, два мыса раздѣляютъ ихъ и образуютъ выходъ изъ лимана въ море шириною нѣсколько болѣе 3-хъ верстъ. Съ сѣвера вдается между моремъ и лиманомъ Очаковскій мысъ, круто спускающійся къ берегу съ высоты 17—18 саженъ. На этомъ то мысѣ и лежала крѣпость, которую турки тогда считали неприступною и непобѣдимой. Противъ нея, также между моремъ и лиманомъ, тянется низкая песчаная Кинбурнская коса, которую Суворовъ 1-го октября 1787 г. засыпалъ трупами; конецъ ея выходитъ не прямо противъ Очакова, а версты на 3 западнѣе. Сзади Очакова раскинулась высокая глинистая степь съ разсыпанными на ней курганами, впрочемъ не непрерывная.. Верстъ 25 на востокъ ее отдѣляетъ отъ остальныхъ степей Бугъ и его широкій лиманъ, за которыми были уже въ то время русскія владѣнія, верстъ 10 на западъ отъ Очаковскаго мыса въ море съ сѣвера впадаетъ другой довольно широкій, хотя и короткій лиманъ Березанскій; противъ устья его верстахъ въ 2-хъ отъ берега стоитъ на морѣ каменистый островъ Березань, имѣющій не болѣе 1 версты въ длину и не болѣе 25 десятинъ площади земли на своей высокой поверхности.

Крѣпость Очаковская состояла изъ двухъ отдѣльныхъ укрѣпленій: небольшаго замка Гассанъ-паши, стоявшаго на самой оконечности мыса, и собственно крѣпости, прилегавшей къ Днѣпровскому лиману, гдѣ юго-восточный берегъ мыса, подмываемый водами лимана, гораздо круче, чѣмъ с-западный, спускающійся болѣе отлого къ Черному морю. Стѣны внутренней крѣпости доходили до самаго почти берега лимана и тянулись отсюда съ обычными изгибами въ главномъ направленіи на СЗ. По направленію къ нынѣшнему Николаеву въ нихъ было двое воротъ: Водяныя—у самаго берега и Кривыя—надъ взгорьемъ; въ сѣверо-западной стѣнѣ были ворота Бендерскія, а въ юго-западной—Стамбульскія и Гассанъ-пашинскія; отъ послѣднихъ шла дорога къ башнѣ Гассанъ-паши. Вокругъ нагорной стороны крѣпости простирался гласисъ, окруженный вторымъ валомъ ретраншемента, имѣвшаго четверо воротъ: на С.-В., С.-З., С. и Ю. З. Внутри валовъ ретраншемента разсыпаны были

землянки обывателей Очакова, которые жили и за наружнымъ валомъ среди разведенныхъ ими здѣсь садовъ и виноградниковъ. На С. и С.-З. отъ внѣшнихъ валовъ эти сады форштата расположены были на гладкой поверхности степи и по склонамъ къ Черному морю; на С В. отъ нихъ впадаетъ въ лиманъ глубокій оврагъ, и теперь перерѣзывающій дорогу на Куцюрубъ, почему она и отклоняется противъ кирпичнаго завода Миллера глубже въ степь.

Много мыслей о превратности судебъ человѣческихъ возбуждаютъ эти мѣста въ душѣ знакомящагося съ прошлымъ новороссійскаго края. Край этотъ, „новый" для Россіи, очень старъ не только для ея писанной исторіи, а и для исторіи всей Европы: на томъ же берегу, гдѣ послѣднія 400 лѣтъ стоитъ Очаковъ, верстъ на 25—30 восточнѣе, лежала когда то у устья Буга Ольвія, оставившая для насъ однѣ изъ древнѣйшихъ надписей. свидѣтельствующихъ о цивилизованномъ житьѣ-бытьѣ на этомъ берегу Чернаго моря за 5—6 вѣковъ до Р. Х. Лиманъ Днѣпровскій описанъ былъ уже въ древнѣйшей книгѣ по географіи Европы, отца описательныхъ и историческихъ наукъ; первые договоры кіевскихъ князей съ Византіей рѣчь вели объ этихъ же берегахъ и мѣстностяхъ. А что говорятъ или еще скажутъ эти курганы подъ Очаковымъ, одинъ изъ которыхъ теперь называется именемъ Суворова, а другой Потемкина? Можетъ быть когда нибудь раскопки ихъ и близь лежащихъ мѣстностей и тутъ откроютъ слѣды Алектора или другаго такого же поселенія, какъ Ольвія, засыпаннаго пылью вѣковъ и погребеннаго въ глинѣ далеко раньше, чѣмъ явились претенденты на это мѣстечко. оправдывавшіе свои претензіи грандіознымъ для своего времени греческимъ прожектомъ и теоріею необходимости борьбы между міромъ христіанскимъ и мусульманскимъ.

Много народностей смѣнили другъ друга на Черномъ морѣ у Очакова; возрастъ древностей, оставленныхъ ими, считается и столѣтіями, и тысячелѣтіями, но, повидимому, физико-географическія условія этой мѣстности во всѣ времена намъ извѣстныя оставались одинаковыми. Въ опровержение этой мысли указываютъ на слова Геродота, видѣвшаго тутъ „преглубокую траву и прекрасные хлѣба", и говорятъ. что здѣсь прежде климатъ долженъ былъ быть мягче; старики по памяти въ одинъ голосъ утверждаютъ, что еще лѣтъ

40—50 назадъ здѣсь было не то, что теперь; но факты жизни, какъ изъ области „новороссійской старины“, не идущей далѣе 100 лѣтъ тому назадъ, такъ и кіевской и древне-греческой указываютъ, что и лѣтнія засухи, и лютыя зимы здѣсь бывали и прежде такія же, какъ и теперь. Оттого только тогда, когда являлись сюда люди вооруженные средствами уже окрѣпшей цивилизаціи, тутъ возникали города; безпомощное же населеніе среднихъ вѣковъ убѣгало отъ этихъ непривѣтливыхъ степей въ болѣе разнообразныя по климату и другимъ естественнымъ условіямъ страны.

Какъ кіевскимъ и литовскимъ полководцамъ, доходившимъ до береговъ Чернаго моря, приходилось терпѣть отъ непривѣтливости степи до того, что они оставляли впустѣ эти земли скиѳоподобнымъ ордамъ, такъ и Миниху, и Румянцеву, и Потемкину въ прошломъ столѣтіи приходилось терпѣть тутъ то же, что и Дарію за много вѣковъ назадъ и что позднѣйшими обитателями степей такъ характерно выражено въ трехъ слѣдующихъ словахъ: *„одно—безхлибъя, друге—безводья, а третее—бездорожжья“*. Ровно 50 лѣтъ назадъ до описываемой нами осады Очакова были уже подъ его стѣнами русскія войска подъ предводительствомъ Миниха—въ числѣ 70.000 душъ людей, 28.000 возовъ, 90.000 подводъ и 2.000 верблюдовъ, которые везли за войскомъ, кромѣ хлѣба, и дрова, и воду. Подошли они къ Очакову 30 іюня, а 2-го іюля 1737 года изъ этихъ людей на приступѣ было убито и ранено до 4000, а турокъ въ городѣ погибло не то 10.000, не то 19.000, и самый городъ былъ сожженъ и разоренъ. Но изъ того же русскаго войска 16.000 душъ пало въ одинъ Очаковскій походъ отъ дѣйствія знойнаго климата и заразительныхъ болѣзней; лошади и волы тоже падали тысячами. Изъ гарнизона, оставленнаго тутъ въ количествѣ 8.000, къ октябрю осталось въ живыхъ только 5.000: такъ степь съ своими болѣзнями встрѣчала непрошенныхъ гостей.

Теперь другимъ войскамъ предстояло поправить ошибку дипломатіи и недостаточную выдержку Россіи, которой 50 лѣтъ назадъ, за 100,000 погибшихъ въ одну кампанію людей и нѣсколько милліоновъ издержанныхъ рублей—досталась только полоса земли въ глубинѣ степей (нынѣшніе уѣзды верходнѣпровскій и елисаветградскій), а Очаковъ и его земля опять остались въ рукахъ турокъ.

Не только дворъ петербургскій, но и всѣ дворы тогдашней Европы были заинтересованы сильно, чѣмъ кончится это ополченіе двухъ имперій на третью. Не одна Екатерина II интересовалась знать, какъ живется свѣтлѣйшему князю Таврическому и его войску: и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ шли дебаты о томъ, сумасбродъ ли только Потемкинъ (этотъ изнѣженный сибаритъ и извѣстный гастрономъ, получавшій, кромѣ жалованья въ 144 тысячи, однихъ столовыхъ денегъ по 100 р. въ день), замаривая такъ долго людей и лошадей въ пыльной новороссійской степи, или онъ имѣетъ какіе либо особые планы, что не идетъ такъ долго на рѣшительное сраженіе? Парижскія газеты того времени съ такимъ же жаромъ спорили о планахъ великолѣпнаго князя Тавриды, съ какимъ сообщали извѣстія о его роскошномъ препровожденіи времени въ столицѣ или подъ стѣнами Очакова въ ставкѣ, не уступавшей въ пышности палаткамъ великаго визиря турецкой имперіи. Не даромъ года два спустя въ Яссахъ напечатанъ былъ на него пасквиль подъ видомъ разговора трехъ солдатъ, уже отошедшихъ въ „царство мертвыхъ". Хотя этотъ пасквиль обрушивается совершенно невпопадъ на личныя качества князя, почему и носитъ характеръ писаній изъ зависти личной и обиды, но, „какъ безъ дыма нѣтъ огня", то видно, что солдатамъ не легко было изнывать въ степи, гдѣ солнце сѣяло изнеможеніе въ рядахъ ихъ, какъ и во времена оны обрушилось „жаждею и тугою" на ряды воевъ Игоря въ Донской степи.

Ознакомившись съ характеромъ, симпатіями и антипатіями князя, съ его любовнымъ отношеніемъ къ солдату, которое вездѣ проглядываетъ и въ его перепискѣ, и въ распоряженіяхъ объ устройствѣ арміи, нельзя объяснять его медлительность тѣмъ соображеніемъ, что онъ выжидалъ, пока разъѣдутся изъ его лагеря нетерпимые имъ лишніе совѣтники-корреспонденты иностранныхъ дворовъ. Такое объясненіе его медлительности, какое въ данномъ случаѣ дѣлаетъ г. Поповъ въ своей біографіи Потемкина [1]), не вяжется ни съ чѣмъ. Конечно правда, что человѣкъ, возившій за собой въ походахъ библіотеку болѣе 2000 сочиненій на разныхъ языкахъ, человѣкъ, писавшій подъ конецъ жизни покаянные ирмосы „вопіющія во грѣ-

[1]) Рус. Старина. 1875.

хахъ души", проникнутые глубокимъ чувствомъ [1]), былъ вовсе неспособенъ идти на встрѣчу смерти подъ картечами впереди отряда „на сабляхъ и штыкахъ", какъ то дѣлалъ Суворовъ; но личной трусости въ Потемкинѣ не было, что онъ и доказалъ принцамъ де-Линю и Нассау, бравируя передъ ними подъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ во время развѣдокъ у стѣнъ Очакова, а также и во время поѣздокъ своихъ въ лодкѣ между Очаковомъ и Кинбурномъ также подъ выстрѣлами. Но еслибы такая трусость и нерѣшительность составляли главное отличительное свойство князя, какъ полководца, то ими только все таки нельзя объяснить медленнаго движенія его съ войсками, когда непріятеля еще не было нигдѣ видно. Зналъ же вѣдь Потемкинъ, какъ изнываетъ его „матушка-государыня" въ Петербургѣ, требовавшая отъ него еженедѣльныхъ курьеровъ съ реляціями, вымаливавшая, можно сказать, у него скорѣйшее наступленіе на Очаковъ; зналъ онъ, что на сѣверѣ начинается война со Швеціей и для нея, кромѣ новаго выпуска мелкихъ ассигнацій на 10 милліоновъ рублей, кромѣ новаго набора рекрутъ по 1 человѣку со ста душъ, формируются съ бору да сосенки егерскій и гусарскій легкоконный полки, берутся въ рекруты однодворцы въ зачетъ будущихъ наборовъ, приглашаются даже изъ новгородской и тверской губерній „дворяне, упражняющіеся по недостатку своему въ хлѣбопашествѣ" [2]); зналъ онъ положеніе императрицы среди шипящаго „социетета" лицъ, къ нему нерасположенныхъ, то положеніе, которое довело ее до заявленія имъ, что она сама поведетъ войска на шведовъ, если изъ нихъ не найдется никого способнаго.

Нужно предполагать въ Потемкинѣ какую то ужасную черствость, нечувствительность и холодную іезуитскую разсчетливость для того, чтобы объяснять его кунктаторство тѣми соображеніями, на которыя указываетъ г. Поповъ. Какъ ни велико было его честолюбіе, но при данныхъ обстоятельствахъ оно не могло заглушить всѣхъ тѣхъ качествъ, которыми характеризуетъ князя самъ г. По-

---

[1]) Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. II. 1848. Стр. 213, 333.

[2]) Первое Полное Собран. Закон. т. XXII. N. N. 16.694, 16.705, 16.702, 16.695, 16.707, 16.680.

повъ. Мы видѣли изъ переписки его съ императрицей въ теченіи 1787 г., что такъ скоро дѣйствовать, какъ того ей бы хотѣлось, онъ не имѣлъ никакой возможности. Въ 1788 году съ весны стали повторяться опять убѣжденія и просьбы со стороны императрицы къ ея любимцу, почти такія, какія были и въ прошломъ году. Не соглашаясь изрѣдка съ его планами дѣйствій (напр. о выводѣ войскъ изъ Крыма), она постоянно ободряетъ своего любимца и исполняетъ почти всѣ его просьбы, даже капризы, несмотря на то, что подъ Петербургомъ у нея завязывалась война со шведами. Въ помощь главнокомандующему екатеринославской арміей для сухопутныхъ войскъ она послала Репнина; въ маѣ назначила контрадмираломъ „для употребленія въ дѣло на Черномъ морѣ“ Павла Джонса (Жонеса), прославившагося передъ тѣмъ въ Америкѣ на войнѣ за независимость и потому много о себѣ мечтавшаго; чтобы Потемкинъ какъ нибудь не счелъ назначенія контрадмираломъ зазнающагося иностранца, она писала ему, что посылаетъ Джонса потому только, что на пріѣздъ Кингсбергена разсчитывать нельзя, и наконецъ просто, — „понеже знаю, что тебѣ не безпріятно будетъ имѣть одну мордашку болѣе на Черномъ морѣ“. Надъ гребною флотиліей разночинцевъ командиромъ назначенъ былъ принцъ Нассау-Зигенъ. Императрица готова была, несмотря на приготовленія войны со шведами, отправить черезъ Средиземное море балтійскій флотъ для возбужденія славянъ и грековъ къ возстанію, на что ассигновала 7 мил. руб. Но война наступательная на югѣ все не начиналась. Завадовскій и Воронцовъ (не говоря уже объ Орловѣ Чесменскомъ) распространяли въ Петербургѣ слухи, что въ екатеринославской арміи больныхъ и умирающихъ много отъ того, что солдатъ „кормятъ вмѣсто хлѣба — кутьею“ [1]). Этотъ противный Потемкину „соціететъ“ утверждалъ, что столица въ опасности отъ шведовъ, что пріобрѣтая полуденныя страны, „привели государство въ совершенную разстройку“, и т. д. Часто очень въ сообщеніяхъ Гарновскаго изъ столицы Попову, се-

---

[1]) Рус. Стар. 1876 г. Май, стр. 10. Очевидно, эти разглагольствованія повели къ подтвержденію 27 мая именнымъ указомъ запрещенія „на биржѣ, въ клубахъ и трактирахъ говорить о дѣлахъ политическихъ, о распоряженіяхъ военныхъ и умножать неосновательные и неприличные толки“. (Полн. Собран. Закон. № 16.673).

кретарю Потемкина, можно встрѣтить замѣчанія объ императрицѣ: „а всю прошедшую недѣлю были ежедневныя слезы".

Прошло лѣто 1788 г., побѣжали шведы, съ чѣмъ и поздравлялъ императрицу Потемкинъ. Племянникъ Завадовскаго въ банкѣ среди публики отпускалъ остроты, что войска подъ самымъ Очаковымъ стоятъ уже три мѣсяца, „а гопоровъ о сю пору нѣтъ"; Румянцевъ съ юга также довольно ехидно писалъ, что „куртки", подѣланныя по плану Потемкина для облегченія солдатъ лѣтомъ, уже не грѣютъ"; Гарновскій сообщалъ Попову на мѣсто военныхъ дѣйствій, что государыня жаждетъ скорѣе видѣть его свѣтлость по окончаніи осады [1]); сама императрица въ письмахъ къ Потемкину молила Бога поскорѣе „услышать вѣсть о взятіи Очакова", хотя и сама уже видѣла, что „состояніе подъ Очаковымъ весьма заботливо и труднѣе, нежели себѣ представляли" [2]). И среди такихъ обстоятельствъ, дождавшись еще въ октябрѣ ранней и суровой зимы [3]), Потемкинъ тянетъ осаду до декабря, только потому будто бы, что боится для умаленія своей славы присутствія Джонса, Нассау-Зигена или какого то принца де-Линь, котораго онъ презиралъ, а Императрица въ письмахъ къ нему просто называла „шпіономъ!"

Кажется, вѣрнѣе будетъ искать объясненіе медлительности въ другихъ обстоятельствахъ и въ другихъ личныхъ качествахъ князя, но только не въ его славолюбіи. Между его личными качествами спеціалистъ военнаго дѣла, профессоръ военной академіи Богдановичъ, называетъ прежде всего нерѣшительность Потемкина, который по его словамъ „избѣгая урона, сопряженнаго со штурмомъ Очакова, потерялъ несравненно болѣе людей втеченіи пятимѣсячной осады и все же принужденъ былъ штурмовать крѣпость" [4]). Остановясь на этой чертѣ характера князя Потемкина, мы можемъ пояснить ее еще и другими чертами личнаго свойства, которыя стали извѣстны, благодаря изданію его писемъ къ императрицѣ и къ другимъ дамамъ высшаго свѣта. Нервность и чувствительность изнѣ-

[1]) Рус. Старина 1876, іюнь, passim.

[2]) Рус. Стар. 1876, іюль. Письма отъ 18, 19, 26 іюня, 3, 17, 28 мая, 14 августа, 18 сентября, 19 окт., 27 ноябр. 1788 года.

[3]) Кіев. Старина 1884, августъ. Стр. 732.

[4]) Богдановичъ, Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турціи. 1852. Стр. 164.

женнаго князя, постоянно влюбленнаго и получавшаго письма отъ многихъ обожавшихъ его дамъ, заставляла его и при распоряженіяхъ въ военномъ дѣлѣ быстро мѣнять настроеніе бодрости, веселой игривости, храбрости и неутомимой дѣятельности на проявленія тоски, отчаянія, апатіи и лѣни. Не для чего иного, какъ для уравновѣшиванія томившихъ его противуположныхъ чувствъ, а также и для поддержанія бодрости духа въ истощенныхъ войскамъ имъ давались подъ Очаковымъ балы, зажигались фейверки и иллюминаціи, а пустынная степь оглашалась концертными симфоніями подъ управленіемъ профессора музыки екатеринославской консерваторіи синьора Сарти. Князь же самъ, бросивъ свою горячечную дѣятельность по осадѣ, какъ бы вдругъ убѣдившись, что поторопить дѣла нельзя, садился въ своей роскошной ставкѣ за переводъ исторіи церкви аббата Флери [1]).

Въ медленности упрекали Потемкина всѣ, кто желалъ подорвать его силу и значеніе при дворѣ. Но эти люди не знали ни степи и ея характера, ни положенія и дѣйствительной численности войскъ, ни даже географіи мѣста, выбраннаго для нападенія. Послѣ имянинъ императрицы (24 ноября 1788 г.), когда она была уже такъ „невесела", что въ скоромъ времени совсѣмъ слегла въ постель, они, разсуждая свысока о значеніи предполагаемаго и долго ожидаемаго взятія Очакова, спрашивали съ удивленіемъ: „а что это еще за Березань?"

— Березань для Очакова это—то же, что Кронштадтъ для Петербурга! отвѣтилъ имъ Гарновскій, главный корреспондентъ и защитникъ князя передъ „дворомъ" (т. е. передъ Екатериною) отъ всѣхъ навѣтовъ и сплетень.

Многіе изъ нынѣшнихъ писателей, ссылаясь по большей части на отзывы иностранцевъ, оставившихъ свои мемуары о Потемкинѣ, также видятъ причину неудачной и вялой осады Очакова только въ личныхъ особенностяхъ характера князя. По словамъ ихъ, онъ умѣлъ только ссорить генераловъ между собою, возбуждать ропотъ въ солдатахъ своею медлительностью, но былъ вовсе неспособенъ къ веденію войны и храброму нападенію. Въ этихъ отзывахъ, конечно, много правды, но едвали ими одними можно объяснять весь ходъ дѣйствій.

[1]) *Полевой* Русскіе Полководцы. Спб. 1845 г. стр. 160.

IV.

Болѣе подробный пересказъ дѣйствій и распоряженій правительства и главнокомандующаго екатеринославскою арміею, начиная съ ранней весны 1788 года, подтвердитъ, какъ можно лучше, что и внѣ личныхъ качествъ князя Потемкина сила вещей не позволяла вести дѣло быстрѣе.

Получивъ отъ Потемкина въ февралѣ свѣдѣнія, что войско терпитъ отъ дороговизны и оскудѣнія въ хлѣбѣ, что солдаты мрутъ безъ войны отъ болѣзней, императрица выслала очень нужныхъ Потемкину преображенскихъ бомбардировъ почтою; но разнаго рода волонтеровъ не хотѣла посылать главнымъ образомъ ради того, чтобъ поменьше было „ѣдуновъ" въ арміи. Моля Бога, чтобъ прекратились болѣзни, которыя даже всю личную канцелярію Потемкина уложили въ постель, такъ что онъ собственноручно долженъ былъ писать и отписывать, въ письмѣ отъ 26 февраля она какъ бы извиняется передъ Потемкинымъ, что у него до сихъ поръ такъ мало войска.

„Что рекруты поздно собраны — сему причиною отдаленность мѣстъ, говоритъ она, и образъ и время, когда объявлена война; я о семъ свѣдала въ концѣ августа, а въ первыхъ числахъ сентября первый наборъ приказанъ былъ, котораго я думала достаточно, вскорѣ же и второй послѣдовалъ... Есть ли роты сдѣлать сильнѣе, то и денегъ и людей болѣе надобно; вы знаете, что послѣдній наборъ былъ со ста душъ (т. е. по 1 человѣку); деньгами же стараемся быть исправны, налоговъ же наложить теперь не время, ибо хлѣба недородъ и такъ недоимокъ не малое число!" Она признавалась, „что мореходство наше еще слабо и люди непривычны и къ оному мало склонны... морскіе командиры нужны паче иныхъ" и т. д. [1]).

Въ мартѣ она обѣщала Потемкину собрать еще 700 рекрутъ съ петербургской губ., которая до сихъ поръ не несла набора; въ апрѣлѣ соглашалась, что „трудности въ починкѣ кораблей весьма понимательны, понеже мѣста безлѣсныя около черноморскихъ нашихъ

---

[1]) „Рус. Стар." 1876, іюль, стр. 453, 454.

гаваней", для чего совѣтовала Потемкину приказать „для будущихъ вѣковъ горстьми раскидать дубовыхъ желудей" [1]).

Все это показываетъ, что она мало по малу знакомилась съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, которое принцъ де-Линь въ письмѣ къ императору Іосифу въ апрѣлѣ 1787 г. характеризовалъ такъ: „Если бы у насъ были съѣстные припасы, мы отправились бы въ походъ; если бы мы имѣли понтоны, то получили бы возможность переходить черезъ рѣки; если бы у насъ были бомбы и ядра, мы приступили бы къ осадѣ крѣпостей; но мы не догадались запастись всѣмъ этимъ, и теперь князь приказалъ привести эти вещи по почтѣ" [2]). Она уже знала изъ откровенныхъ писемъ Потемкина обо всѣхъ этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ; но знала и то, чего не зналъ принцъ де-Линь,—что устранить всѣ эти обстоятельства очень трудно. Тѣмъ не менѣе, когда пріѣхалъ къ ней Пауль Джонсъ и говорилъ, что полезно было бы и Синопъ захватить, она только промолчала и предоставила рѣшеніе вопроса о наступленіи флотомъ черезъ море—самому Потемкину, такъ какъ и это еще казалось ей возможнымъ.

Но что казалось возможнымъ первому главнокомандующему Потемкину, когда онъ въ маѣ 1788 г. объявилъ движеніе войскъ впередъ къ Ольвіополю, Александровкѣ и Русской косѣ, гдѣ они должны были переправиться черезъ Бугъ,—можно видѣть изъ его письма къ императрицѣ отъ 10 мая. Онъ писалъ, что лодокъ канонирскихъ въ Кременчугѣ построено 100; половина ихъ уже въ Херсонѣ, часть—въ пути, а часть—скоро пойдетъ.

„Мало у меня только пороху, также бомбъ и ядеръ для флотиліи".

Мосты уже на своихъ мѣстахъ; но лошадей, на которыхъ деньги уже годъ какъ отпущены,—нѣтъ: нужно покупать другихъ. Полки главной арміи подходятъ къ Бугу для переправы... „скоро и я туда отправлюсь, и что прійдетъ передовыхъ войскъ то переправлю отъ Крымскихъ степей къ Бендерамъ и Очакову".

Онъ хвалитъ войско, составленное наскоро изъ однодворцевъ, которые, по его словамъ, перещеголяли далеко донскихъ козаковъ, и

---

[1]) Ib. 457. Позже Потемкинъ исполнилъ это желаніе императрицы и насадилъ у новооснованнаго имъ Николаева дубовую рощу, отъ которой теперь и слѣда не осталось.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1873., августъ, стр. 385.

заканчиваетъ это письмо о начатомъ походѣ туда, гдѣ „еще нашъ пистолетъ не выстрѣлилъ", слѣдующею тирадою:

„Матушка Всемилостивѣйшая Государыня!

Я и пойду и буду дѣйствовать, не смотря на новость моей пѣхоты, которая почти вся изъ рекрутъ; я вездѣ собою показывать стану примѣръ, съ охотою принесу на жертву жизнь мою, вамъ, моей матери, государству и, можно сказать, христіанству, надѣясь несомнѣнно, что Богъ мнѣ поможетъ!" [1]).

Итакъ—главная надежда на побѣду въ этой меланхолической цитатѣ зиждется главнымъ образомъ на высокой цѣли похода и на увѣренности, что дѣло обузданія невѣрныхъ агарянъ само себя вывезетъ съ помощью Божьею, но никакъ не на томъ, что войска благоустроены и хорошо приготовлены. Если почти вся пѣхота составлялась изъ рекрутъ, а въ конницѣ похвалы заслуживали однодворцы, только что навербованные въ Чугуевѣ, если не было лошадей для перевоза артиллеріи, пороха, ядеръ, бомбъ для флотиліи, то конечно нужно еще было все это собрать и приготовить, прежде чѣмъ подступить къ Очакову.

Вотъ откуда является та медленность, при которой переправившись у Ольвіополя черезъ Бугъ во второй половинѣ мая съ 40,000 регулярныхъ войскъ и 6,000 козаковъ, Потемкинъ 28 іюня пришелъ къ стѣнамъ Очакова, дѣлая въ недѣлю только по 40 верстъ и останавливаясь вездѣ, гдѣ находилъ удобства жизни [2]). Не только „безхлибья, безводдя и бездорожжя" задерживали его движеніе, но и ожиданія тѣхъ частей войска и осадныхъ средствъ, которыя мало по малу подходили, переправляясь черезъ балки и овраги, по которымъ не легко было ѣхать съ артиллеріею и обозами.

„Я былъ бы уже на Бугѣ, писалъ Потемкинъ 19 мая изъ Елисаветграда, но присутствіе мое здѣсь нужно для побужденія заднихъ, дабы скорѣе шли".

Остановившись лагеремъ между Бугомъ и Чичиклеею онъ писалъ 8 іюня: „Иду, преодолѣвая всѣ трудности, которыя по причинѣ многихъ переправъ меня удерживаютъ; а если бы обходить

---

[1]) „Рус. Стар." 1876. іюль, стр. 460.

[2]) Богдановичъ Пох. Рум. Пот. и Суворова, стр. 131, 140.

всѣ рѣчки и рвы, то бы еще больше труда было и въ водѣ недостатокъ послѣдовалъ бы".

Шестьнадцать батальоновъ пѣхоты и осадную артиллерію онъ хотѣлъ перевезти черезъ Бугскій лиманъ у Русской косы; но отъ бури съ сильнымъ дождемъ Бугъ „сдѣлался неприступенъ", какъ писалъ князь отсюда 15 іюня. Пришлось искать другаго, болѣе удобнаго мѣста для переправы, и такое мѣсто было найдено верстъ 35 выше, т. е. нѣсколько сѣвернѣе нынѣшняго Николаева: „какое затрудненіе было поднимать вверхъ мосты,—и описать нельзя!" сообщалъ Потемкинъ императрицѣ тогда же, прибавляя: „я уже былъ бы подъ Очаковымъ, еслибъ"...

19-го іюня онъ былъ подъ Солонихою, т. е. верстахъ въ 50—60 отъ Очакова, а 7-го іюля, отправляя захваченные запорожцами у разбитаго ими турецкаго флота флаги и знамена, уже изъ подъ Очакова писалъ еще императрицѣ: „Ожидаю осадной артиллеріи, которая частями приходитъ; корму у насъ для лошадей почти нѣтъ" [1]).

Выжгли ли татары по своему стародавнему обычаю степь передъ войной, или она выгорѣла и безъ этихъ искусственныхъ мѣръ,—для войска было все равно: корму въ степи не было. Кто бывалъ въ іюнѣ—іюлѣ въ бездождные годы въ степи Очаковской, тѣ знаютъ, что это значитъ: „корму нѣтъ". Это значитъ, что вся степь кругомъ выжжена до корня растеній и имѣетъ видъ желтой или отчасти черной пустыни.

Теперь въ такихъ случаяхъ скотъ кормятъ прошлогоднею и новогоднею яровою соломою, а къ концу лѣта и осенью изъ Одессы и Николаева можно получать привезенное туда по желѣзнымъ дорогамъ прессованное сѣно изъ мѣстностей центральной Россіи, не знающихъ засухи. Тогда же не откуда было достать сѣна; а что это былъ годъ засухи, видно изъ переписки Потемкина съ императрицею. Въ началѣ іюня онъ писалъ ей, что выѣхавъ изъ Елисаветграда, „отъ сильныхъ жаровъ въ дорогѣ захворалъ, черезъ что пришелъ въ слабость"; а въ іюлѣ она ему писала, что жары въ Петербургѣ до-

---

[1]) „Рус. Стар." 1875. май, стр. 32.

ходятъ до 39½ градусовъ, тогда какъ и въ Португаліи выше 44° не запомнятъ [1]).

Что же должны были дѣлать войска, тянувшіяся съ артиллеріею и обозомъ отъ Днѣпра и Буга къ Очакову, войска, набранныя только что отъ плуга изъ центральныхъ губерній? Кромѣ отчаянія и тупаго ожиданія дождя или подвоза сѣна и хлѣба, ничего не могло быть у этого войска, не привыкшаго къ своеобразной, унылой картинѣ степи безъ кустика лѣсу, безъ рѣчекъ и ручьевъ, безъ травы и ночной росы! Поневолѣ приходилось музыкою забавлять этотъ чуждый степи народъ, знавшій, что сзади его отъ родины отдѣляетъ необъятная степь, пройденная имъ, не могшій при томъ начинать бомбардировки безъ осадныхъ орудій, которыя только мало по малу подвозились, и потому сидѣвшій въ бездѣйствіи.

Но можетъ быть можно было скорѣе вести другія работы по осадѣ крѣпости, за медленность которыхъ г. Богдановичъ также упрекаетъ Потемкина. Этотъ авторъ очевидно не былъ лично у Очакова, такъ какъ говоритъ, что здѣсь почва песчаная. Онъ не знаетъ, что копать землю подъ Очаковымъ лѣтомъ въ сухой годъ можно только топоромъ, ломомъ и киркою, но никакъ не лопатами, къ которымъ привыкли солдаты Потемкина, и что такая работа въ землѣ, едва поддающейся дѣйствію инструментовъ, въ нѣсколько разъ идетъ медленнѣе, чѣмъ лопатами на мягкой землѣ. Не беремся судить объ этой спеціальной и технической сторонѣ дѣла, но думаемъ, что обвиняя князя Потемкина въ лѣности, медленности и нерѣшительности, непремѣнно нужно имѣть въ виду и всѣ указанныя нами естественныя условія.

Наконецъ, войска, исчисленнаго въ прошломъ году чуть не въ 100 тысячъ, на дѣлѣ оказалось у Потемкина гораздо меньше. Зная, что Минихъ подступалъ къ гораздо слабѣйшей при немъ крѣпости Очаковской съ 70,000 и отступилъ послѣ штурма, при чемъ лишь случайный взрывъ пороховыхъ магазиновъ внутри крѣпости доставилъ ее его предшественнику, правъ былъ Потемкинъ, когда приставалъ къ императрицѣ о новомъ пополненіи арміи во что бы то ни стало. Но въ маѣ она писала ему: „рада бы тебѣ дозволить

[1]) „Рус. Стар.“ 1876. августъ, 575.

собрать войско, но не знаю, станетъ ли у меня на прибавку войска денегъ;" въ іюлѣ посылала ему еще въ помощь морскихъ офицеровъ, въ августѣ—пушки, полученныя изъ Англіи черезъ Ригу; а въ сентябрѣ относительно рекрутскаго набора уже говорила, что „теперь очень трудно оный исправить по твоей запискѣ".

Правъ былъ онъ, подводя въ письмѣ къ императрицѣ отъ 19 мая итоги своей зимней дѣятельности: „по нечаянной войнѣ мнѣ нужно было сдѣлать въ четыре мѣсяца то, что должно было въ два года произвести. Пускай другой могъ бы возымѣть куражъ чинить совсѣмъ разбитый погодою флотъ, настроить гребныхъ судовъ, могущихъ ходить въ море, такое множество, сформировать совсѣмъ вновь 16 батальоновъ пѣхоты, до 10,000 новой конницы, составить большой магазейнъ подвижной, снабдить артиллерію ужаснымъ числомъ воловъ, изворачиваться въ пропитаніи... безъ достаточнаго числа квартиръ, а паче на Кинбурской сторонѣ, где слишкомъ на 10,000 людей въ три недѣли должно было построить жилища [1]). Но сознавая, что имъ много сдѣлано для собранія и устройства арміи, князь на каждомъ шагу, въ каждомъ оврагѣ, перегораживавшемъ дорогу его юному войску, могъ видѣть, какъ еще далеко ему съ такимъ войскомъ до побѣдоноснаго шествія на взятіе крѣпости, вновь укрѣпленной французами по послѣднему слову фортификаціоннаго искусства.

Сверхъ того въ письмахъ отъ Императрицы при каждомъ пожеланіи о скорѣйшемъ взятіи Очакова онъ читалъ наставленія: „паче всего старайся беречь людей"; или „Дай Боже, что бы ты взялъ Очаковъ безо всякой потери людей,—мнѣ сіе страшастъ" или „что больныхъ много о томъ жалѣю. Она „съ ужасомъ" узнала о двухъ несчастныхъ случаяхъ, гдѣ люди даромъ погибли: отъ бомбарды, разорвавшейся при выстрѣлѣ, и отъ пожара магазина снарядовъ для флотиліи въ Кинбургѣ [2]). А онъ на мѣстѣ видѣлъ и много другихъ ужасовъ, отъ которыхъ страдали конечно его нѣжные нервы. „Рекруты отдаваемые, писалъ онъ ей 1 сентября, слабые и съ болѣзнями многіе застарѣлыми, такъ что мрутъ большимъ числомъ, не доходя еще до мѣста. Многія партіи въ армію мнѣ ввѣренную

[1]) Р. Ст. 1876 августъ 584 и слѣд.
[2]) Ib. 578, 575.

и теперь еще не дошли, отчего малолюдные полки, не будучи усилены, паче исчезают. Побѣги съ дороги довольно знатны, больныхъ много дѣлается. При отправленіи партіи начальствующіе офицеры отбираютъ у рекрутъ собственныя деньги ихъ, для удержанія отъ побѣговъ, а потомъ проматываютъ. Многіе уменя за сіе подъ слѣдствіемъ" [1]).

Ему ли, и безъ того жалѣвшему солдатъ, можно было рѣшиться вести ихъ на проломъ на гибель? Сумѣвши распорядиться объ укомплектованіи войска, онъ не имѣлъ храбрости поспѣшить съ развязкою, сидѣлъ и ждалъ увеличенія войскъ. Ждалъ онъ еще точныхъ плановъ крѣпости изъ Франціи, куда послалъ особыхъ агентовъ, чтобы, разузнавши, гдѣ есть такъ называемыя „слабыя мѣста", взять городъ съ меньшею потерею людей.

Суворовъ его поведеніе въ данномъ случаѣ называлъ „безчеловѣчнымъ", хотя оно и продиктовано было „человѣколюбіемъ". Утверждая, что „штурмъ—всего лучше и дешевле станетъ", онъ предсказывалъ, что отъ такихъ неумѣлыхъ человѣколюбивыхъ распоряженій погибнетъ больше людей, чѣмъ при безчеловѣчной и смѣлой аттакѣ [2]), и былъ, можетъ быть, правъ: если приготовленія къ войнѣ и содержаніе войскъ нуждаются въ европейскомъ умѣ и гумманности, то самая война отъ предводителя требуетъ азіатской дикости и смѣлости. Можетъ быть, Суворовъ, будь онъ на мѣстѣ Потемкина, уже въ іюлѣ пошелъ на штурмъ крѣпости съ войсками, которыя были у него подъ рукою, какъ шелъ онъ впослѣдствіи на стѣны Измаила, за которыми сидѣло больше гарнизона, чѣмъ имѣлось у наступающихъ. Потемкинъ же не могъ такъ рисковать, будучи по своимъ способностямъ больше тонкимъ дипломатомъ, чѣмъ грубымъ, закаленнымъ въ битвахъ полководцемъ. Оттого онъ ждалъ войскъ, орудій, плановъ и хотѣлъ дѣйствовать не штурмомъ, а осадою.

V.

Не то дѣлалось на морѣ, гдѣ подъ начальствомъ Суворова, этого въ будущемъ „непобѣдимаго" полководца и въ роли разори-

[1]) Петровъ. Вторая турецкая война. Спб. 1880, т. I, стр. 89.

[2]) *Полевой.* Русскіе полководцы 1845 г., стр. 180. Ж. М. Н. Пр. 1873 г., августъ, стр. 402.

теля Польши, и въ роли спасителя царей передъ революціонными войсками, были головорѣзы, по своей энергіи вполнѣ соотвѣтствовавшіе ему самому знакомые при томъ съ особенностями мѣстной природы. Еще съ зимы запорожцы, чуть только явились подъ Очаковъ, начали дѣйствовать по стародавнимъ своимъ пріемамъ: въ январѣ обошли они крѣпость и угнали со степи скотъ, пасшійся въ 7-ми верстахъ отъ города. Этимъ они доставили первую радость императрицѣ и заслужили отзывъ о вѣрности службы. Затѣмъ они отданы были подъ команду двухъ искателей приключеній и сильныхъ ощущеній—контръ адмирала Поля-Джонса, прибывшаго изъ Америки, гдѣ онъ четыре раза разбилъ флотъ англичанъ, и принца Нассау-Зигена, охотившагося въ Африкѣ за львами и тиграми, совершившаго кругосвѣтное путешествіе съ Бугенвилемъ и сражавшагося уже во флотѣ при осадѣ Гибралтара.

Весною запорожцевъ посадили на лодки и отправили въ Глубокую пристань, въ восточный уголъ Днѣпровскаго лимана. Кромѣ 80 кременчугскихъ лодокъ, тамъ стояло 5 линейныхъ кораблей, 8 фрегатовъ и 6 галеръ. Лодки предназначались для перевозки войска у Русской косы черезъ Бугъ. Сверхъ того Чепига, отряженный сюда генераломъ Голенищевымъ-Кутузовымъ, долженъ былъ надзирать здѣсь за всѣми приближавшимися къ Бугу турками. Такова была сначала ихъ пассивная дѣятельность. Но скоро такое бездѣйствіе флота должно было кончиться.

Турки, потерявшіе въ 1783 году Крымъ, начали настоящую войну вовсе не съ цѣлями оборонительными. Они не могли переносить постройки въ Херсонѣ русскихъ судовъ, о которыхъ русскій дворъ дѣлалъ увѣренія, что это торговыя суда, которыя при миролюбіи Россіи и сгнить тутъ могутъ [1]); они знали, къ чему клонятся всѣ мѣры и предпріятія русскаго правительства, и первою цѣлью ихъ по объявленіи войны было уничтоженіе Кинбурна и возвращеніе Крыма. Прошлогодняя неудача подъ Кинбурномъ ожесточила ихъ и Гассанъ паша, собравъ флотъ, выѣхалъ въ началѣ мая изъ Константинополя съ тѣмъ, чтобы или совсѣмъ не возвратиться живымъ домой, или возвратиться завоевателемъ Крыма. Съ 13-ю линейными кораблями, 15 фрегатами и 32 кирлангачами, шебеками

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XXIX, стр. 327.

и др. мелкими судами онъ явился 20 мая у Очакова и вошелъ въ лиманъ, высадивъ въ Очаковскую крѣпость значительное подкрѣпленіе гарнизона. Мелкія суда онъ отправилъ въ лиманъ для развѣдокъ о русскомъ флотѣ. Первое судно, которое увидѣли турки, была шлюпка капитана Саксна, возвращавшагося въ Глубокую пристань изъ Кинбурна, куда онъ привозилъ отъ принца Нассау какія то бумаги Суворову. Тринадцать турецкихъ судокъ (3 фрегата, 5 ботовъ и 5 малыхъ судовъ) бросились догонять Сакена. Онъ вошелъ въ устье Буга, отрядилъ въ лодку 9 матросовъ и отправилъ ихъ въ Глубокую пристань съ бумагами и увѣреніемъ, что онъ не сдастся; самъ же ждалъ абордажа турецкихъ судовъ. Когда одна изъ нихъ подошла къ его боту, то, прогнавъ всѣхъ матросовъ въ море съ бревнами для спасенія вплавь, онъ взорвалъ самъ себя и турецкій ботъ.

„Геройская смерть Саксена, доносилъ Потемкинъ,—показала туркамъ, какихъ они имѣютъ непріятелей". Этотъ подвигъ тѣмъ рѣзче характеризуетъ перваго героя на морѣ въ этой войнѣ, что онъ впередъ предрѣшилъ свою гибель. Отъѣзжая изъ Кинбурна въ виду вступившихъ въ лиманъ турецкихъ судовъ, онъ сказалъ на прощанье одному подполковнику, своему пріятелю: „когда турки аттакуютъ меня двумя судами, я возьму ихъ, съ тремя буду сражаться, отъ четырехъ не побѣгу, но если нападутъ болѣе, тогда прощай Федоръ Ивановичъ; мы больше не увидимся!".

На другой день турецкій флотъ сталъ бомбардировать кошъ вѣрныхъ запорожцевъ, расположенный у урочища Василькова на Кинбурнской сторонѣ. Канонада продолжалась съ 4 до 11 часовъ утра, но не принесла никакого вреда, такъ какъ турки боялись подойти близко. Суворовъ потребовалъ въ Кинбурнъ три лодки „съ добрыми молодцами", а Нассау-Зигенъ всю остальную козачью флотилію съ кошевымъ въ устье Буга. 1-го іюня была небольшая стычка, въ которой погибъ куренный атаманъ и нѣсколько козаковъ, а 7-го іюня, когда изъ Глубокой пристани подошли и большія суда, произошла уже настоящая битва между гребными судами обѣихъ сторонъ. Несмотря на то, что турецкихъ судовъ было до 60 и вѣтеръ былъ попутный для ихъ аттаки, запорожцы показали чудеса храбрости; они вели за собой на буксирѣ галеры и плавучія баттареи подъ начальствомъ бригадира Алексіано, грека, обиженнаго тѣмъ,

что начальство надъ флотиліей было передано Полю Джонсу. Эта личная обида, отъ которой онъ, по словамъ Потемкина, „чуть съ ума не сошелъ отъ печали", и хотѣлъ было со всѣми греками бросить службу, а также ненависть противъ „враговъ нашего закона" сдѣлали его свирѣпымъ. Онъ велъ запорожцевъ и все кричалъ, „чтобъ цѣлили въ капитанъ пашу", распоряжавшагося въ переднихъ рядахъ: „онъ съ такою былъ холодностью, что всѣхъ удивилъ; довѣренность къ нему чрезвычайная". Такъ характеризовалъ его Потемкинъ, которому вѣсть о сраженіи въ лагерь на Чичиклею привезъ бригадиръ Корсаковъ, также участвовавшій въ битвѣ [1]).

Два турецкихъ судна было взорвано на воздухъ; одно сожжено, 18 повреждено до того, что поспѣшили укрыться къ Очакову подъ охрану крѣпостныхъ пушекъ; за ними послѣдовали и всѣ остальныя, несмотря на старанія Гассанъ-паши удержать отступленіе. 16-го іюня Гассанъ-паша со всѣмъ флотомъ своимъ вошелъ опять въ лиманъ и сталъ на якорь въ пушечномъ выстрѣлѣ отъ русской эскадры. Не давая ему времени одуматься, кошевой атаманъ Сидоръ Бѣлый съ своими гребными лодками подъ градомъ пуль и картечи бросился штурмовать трехпалубныя турецкія суда, но тутъ же получилъ рану, отъ которой умеръ на третій день [2]). Съ большихъ судовъ и плавучихъ батарей стрѣляли въ турецкіе корабли брандскугелями и калеными ядрами, отчего тѣ загорались и взлетали на воздухъ. Когда взорвало 64-пушечный корабль, турки бросились въ бѣгство; капитанъ-паша приказалъ стрѣлять по бѣгущимъ, самъ двинулся на адмиральскомъ кораблѣ впередъ, но запорожцы его окружили и сожгли и этотъ корабль, такъ что самъ адмиралъ едва спасся на шлюбкѣ назадъ, чтобы поддерживать духъ въ своихъ растерявшихся войскахъ. Вечеромъ того же дня турецкіе корабли въ безпорядкѣ побѣжали изъ лимана въ море и въ темнотѣ ночи попали подъ выстрѣлы баттареи, выстроенной Суворовымъ на самой оконечности кинбурнской косы. Восемь фрегатовъ среди темной ночи были взорваны на воздухъ и сожжены калеными ядрами; семь судовъ разбито въ щепки съ баттареи; другія сѣли на мель; болѣе 2000 турокъ бросились въ

---

[1]) „Рус. Старина". 1876 г.; іюль, стр. 460.

[2]) Короленко. Черноморцы. Спб., 1874, стр. 11.

воду и погибли; съ девятаго загорѣвшагося корабля часть народу успѣли снять наши матросы, а другая часть также была взорвана. Считаютъ, что турокъ погибло въ этомъ дѣлѣ 6000, а до 3000 было взято въ плѣнъ. Въ гребной флотиліи запорожской кромѣ кошеваго и эсаула было убито и ранено нѣсколько десятковъ человѣкъ, а 235 душъ козаковъ турки взяли въ плѣнъ.

Потемкинъ, стоявшій тогда лагеремъ у Солонихи (противъ нынѣшняго Николаева) былъ внѣ себя отъ радости: „6 кораблей линейныхъ сожженно, писалъ онъ императрицѣ: 2—на мели, 30 разбито! Мы лодками истребили самое лучшее, что было въ турецкомъ флотѣ, осталось—дрянь! Запорожцы, прибавлялъ онъ при этомъ, показали великую услугу: есть ли бы не они, то бы не могло наше ни одно судно двинуться!“ [1]).

Императрица только что отслужила въ столицѣ молебенъ по случаю первой побѣды 7-го іюня, когда получила это извѣстіе. Тотчасъ же послала она награды начальникамъ флота: Нассау получилъ 3200 душъ крестьянъ, Алексіано 610 душъ крест. и былъ возведенъ въ контръ-адмиралы, а князь Потемкинъ получилъ шпагу съ лаврами и надписью. „Главнокомандующему екатеринославской сухопутною и морской побѣдоносною силою [2])“.

Капитанъ-паша, не смотря на пораженіе, не терялъ еще надежды и 20 іюня пытался съ моря возвратиться въ лиманъ, но не былъ пропущенъ Суворовымъ, открывшимъ противъ него огонь съ своей баттареи. Потемкинъ, тѣмъ временемъ переведшій отъ Аджигола первыя прибывшія войска подъ Очаковъ, устроилъ на с. з отъ него на берегу Чернаго моря баттарею, съ которой началъ 1-го іюля обстрѣливать крѣпость и форштатъ съ садами. Въ то же время Нассау-Зигенъ, приблизившись со стороны лимана къ Очакову, подъ выстрѣлами изъ крѣпости сталъ стрѣлять въ суда, стоявшія на берегу, и сжегъ всѣ до одного, которое было взято въ плѣнъ. Козаки тутъ потеряли одного куреннаго атамана и нѣсколько человѣкъ рядовыхъ. Такъ было убито и уничтожено почти все морское войско Гассанъ-паши, который принужденъ былъ удалиться къ Березани и думалъ

[1]) Рус. Старина 1876. Іюль. 475.
[2]) Ib. 1876. Августъ, стр. 572, 575. Ж. М. Н. Пр., 1873, авг., стр. 394.

теперь уже только о томъ, какъ бы подвезти помощь осажденнымъ въ Очаковѣ, который русскія войска стали окружать съ моря и съ суши.

Осаду съ суши, медленную, нерасчетливую и лѣнивую по словамъ Богдановича, другой спеціалистъ полковникъ Петровъ называетъ хотя медленною, веденною съ излишней осторожностью, но настойчивою [1]). Если слѣдить за ходомъ дѣйствій Потемкина, котораго Нассау Зигенъ упрекалъ даже въ трусости, то можно убѣдиться, что ему хотѣлось взять Очаковъ, исполнивъ въ точности совѣты Императрицы—съ возможно меньшею потерей людей. Войска же и осадныя орудія, какъ мы видѣли, подходили къ нему въ теченіи іюля. Остановившись съ своимъ авангардомъ у берега Чернаго моря, онъ разставлялъ остальныя прибывавшія части отсюда по направленію къ востоку такъ, что крайнее лѣвое крыло, куда имъ вызванъ былъ и Суворовъ, достигло лимана днѣпровскаго за балкою, гдѣ теперь находится кирпичный заводъ. Такимъ образомъ въ разстояніи около 3-хъ верстъ отъ крѣпости протянулась живая стѣна, отдѣлявшая Очаковъ отъ сообщенія со степью.

Чтобы обезопасить себя съ тылу, Потемкинъ потребовалъ къ себѣ на сушу половину запорожцевъ, кошевымъ которыхъ по смерти Сидора Бѣлаго былъ назначенъ Захарій Чепига. Послѣдній, оставивъ подъ начальствомъ Зигена во флотѣ полковника Мокія Гулика и передавъ кошевой перначъ и прапоръ войсковому судьѣ Головатому, отправился съ сухопутнымъ войскомъ черезъ Кореняху и Аджиголъ въ лагерь Потемкина. Здѣсь онъ получилъ приказаніе обойти березанскій лиманъ и наблюдать вверхъ по теченію Тилягула на сушѣ, а по берегу до Хаджибейскаго замка за движеніями ихъ на морѣ, такъ какъ можно было ожидать, что Гассанъ-паша при наступленіи осеннихъ бурь долженъ будетъ оставить островъ Березань на произволъ судьбы и удалиться въ Варну или Константинополь.

Растянувъ войска отъ берега Чернаго моря до лимана, Потемкинъ передъ ними сталъ строить редуты и баттареи, слѣды которыхъ остались и до настоящаго времени; своимъ существованіемъ они опровергаютъ мнѣніе г. Богдановича, повторяемое и г. Брикне-

---

[1]) Петровъ, Вторая турецкая война Спб. 1880. Т. I стр. 183

ромъ, относительно неумѣнья Потемкина вести осаду и употребленія пріемовъ, „противныхъ правиламъ искусства". Баттареи эти стоятъ вовсе не на $3^1/_2$ версты отъ наружныхъ валовъ бывшей крѣпости, какъ утверждаетъ г. Богдановичъ[1]), судившій о ихъ разстояніи, очевидно, по старымъ планамъ и чертежамъ, а никакъ не болѣе $1^1/_2$—2 верстъ. При томъ онѣ предназначались прежде всего не для дѣйствія противъ крѣпости, а для вытѣсненія турокъ изъ форштата, садовъ и виноградниковъ, закрывавшихъ крѣпость съ сѣвера. Четыре баттареи были построены надъ берегомъ Чернаго моря въ іюлѣ и ихъ огонь давалъ возможность дѣлать рекогносцировки въ садахъ для ознакомленія съ планомъ крѣпости. Въ одну изъ такихъ рекогносцировокъ былъ убитъ генералъ-майоръ Синельниковъ, первый екатеринославскій губернаторъ. Онъ былъ раненъ въ правую ногу выше колѣна, но пока ему дѣлали операцію, онъ сдалъ отчетъ Потемкину о большихъ суммахъ, истраченныхъ имъ на постройку города Екатеринослава[2]).

27 іюля турки сдѣлали вылазку надъ берегомъ лимана, т. е. изъ Водяныхъ воротъ противъ лѣваго фланга русской арміи, гдѣ командовалъ Суворовъ. Послѣдній отбилъ наступленіе двухтысячнаго отряда и въ свою очередь бросился на штурмъ крѣпости, думая тѣмъ увлечь за собою и остальныя войска, но былъ раненъ въ шею прежде, чѣмъ получилъ выговоръ отъ Потемкина. Послѣдній по словамъ де-Линя, подбивавшаго его напасть справа, пока турки заняты на лѣвомъ флангѣ, плакалъ о громадномъ числѣ убитыхъ солдатъ, а затѣмъ написалъ Суворову: „солдаты не такъ дешевы, чтобъ терять ихъ по пустому; ни за что, ни про что погублено столько народа, что весь Очаковъ того не стоитъ!"[3]). Въ этой стычкѣ было убито 365 суворовскихъ гренадеровъ, а всего, по свидѣтельству де-Линя, болѣе 1000 душъ; Суворовъ послѣ этого былъ посланъ въ Кинбурнъ, гдѣ еще былъ раненъ разорвавшеюся бомбою въ лицо, грудь и колѣно. Затѣмъ онъ переѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ лечился до окончанія осады Очакова.

---

[1]) *Богдановичъ*. Походы Рум., Потемк. и Сувор. 1852. Стр. 147, 164.
[2]) Историч. Вѣстникъ, 1887 г. іюнь.
[3]) Ж. М. Н. Пр. 1873, августъ, стр. 405.

Въ началѣ августа, также для дѣйствія противъ садовъ были поставлены четыре баттареи передъ войсками по линіи отъ Чернаго моря къ лиману, въ половинѣ августа, по мѣрѣ подвоза къ Очакову пушекъ, четыре баттареи надъ берегомъ у лимапа, а въ концѣ августа—еще 4 батареи у берега Чернаго моря уже на разстояніи не болѣе 150—200 сажень отъ наружныхъ валовъ очаковскихъ ретраншементовъ. Въ то же время въ очищенныхъ садахъ съ с. з. стороны крѣпости устроена первая параллель изъ 5-ти баттарей и одна баттарея для дѣйствія на крѣпость прямо съ с. Въ этомъ мѣсяцѣ турки сдѣлали еще одну вылазку (18 августа) въ томъ же с. в. направленіи противъ недостроенной еще баттареи на берегу лимана; вылазка эта была также отбита съ большей потерей (500 человѣкъ), при чемъ у русскихъ было убито болѣе 100 душъ, а генералъ-майоръ М. Л. Голенищевъ Кутузовъ былъ раненъ пулею, попавшей ему въ щеку и вылетѣвшей черезъ затылокъ, но остался живъ и продолжалъ участвовать въ войнѣ; это была 2-я пуля, прошедшая ему черезъ голову; раньше у Перекопа 1774 г. ему попала пуля въ лѣвый високъ и вылетѣла черезъ правый, отчего онъ ослѣпъ на правый глазъ.

Императрица, приславшая ему орденъ св. Анны, очень интересовалась узнать, какъ именно раненъ Кутузовъ, а главный врачъ въ арміи Массотъ говорилъ: „должно быть судьба назначаетъ Кутузова къ чему нибудь великому, ибо онъ остался живъ послѣ двухъ ранъ, смертельныхъ по всѣмъ правиламъ науки медицинской“ [1]). За эту вылазку русскіе отплатили очаковцамъ болѣе сильнымъ огнемъ съ баттареи, отъ котораго начался большой пожаръ внутри крѣпости.

Третью вылазку въ томъ же мѣстѣ турки произвели 6 сентября, при чемъ взорвали пороховой ящикъ на одной изъ русскихъ батарей; въ этомъ дѣлѣ былъ убитъ генералъ майоръ Фунаковъ. На слѣдующій день, какъ бы опять въ отместку, русскіе произвели такую сильную канонаду противъ крѣпости со всѣхъ баттарей, что Гассанъ-паша, стоявшій у Березани, подошелъ къ очаковскому бебсрегу на помощь осажденнымъ и съ своей стороны бомбардировалъ русскія баттареи. На морѣ ему отомстить не успѣли, потому что буря

---

[1]) *Полевой* Русскіе пол одцы. Спб. 1845. Стр. 203.

9 сентября разбросала нашу гребную флотилію по всему лиману и очень повредила ей.

Въ сентябрѣ были поставлены еще три баттареи за большимъ оврагомъ на лѣвомъ флангѣ, а съ сѣверной стороны крѣпости саженяхъ въ 150 отъ ретраншемента возведена 2-я параллель изъ 5-ти батарей. Дѣйствіемъ этихъ новыхъ баттарей всѣ пушки, стоявшія у турокъ въ ретраншементѣ, были сбиты и бомбардировка продолжалась уже внутри крѣпости, а также на ея стѣны и башни. Потемкинъ видѣлъ, что турки не хотятъ сдаваться на капитуляцію и будутъ защищаться до послѣдней возможности, несмотря на то, что перебѣгавшіе изъ крѣпости въ лагерь евреи и армяне говорили о готовности осажденныхъ сдаться. Онъ сталъ думать о пробитіи бреши въ стѣнахъ самой крѣпости для начатія штурма и 4 октября поставилъ на с. з. сторонѣ одну брешь баттарею. Но 10 октября онъ попробовалъ опять навести панику на осажденныхъ и сталъ бомбардировать крѣпость изъ всѣхъ сухопутныхъ баттарей и изъ пушекъ лиманской флотиліи; послѣдняя была прибита бурею къ берегу подъ турецкіе выстрѣлы и ничего не помогла. 14 октября поставлена была 2-я брешь баттарея съ с. в. стороны также на близкомъ разстояніи.

Въ русскомъ войскѣ съ началомъ дождей, снѣговъ и слякоти болѣзни усилились, а турки, несмотря на то, что у нихъ сгорѣлъ провіантскій магазинъ, не показывали никакого желанія сдаваться, тѣмъ болѣе, что Гассанъ-паша, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, 21 октября подвезъ въ крѣпость подкрѣпленіе въ 1500 человѣкъ и продовольствіе. Все указывало на необходимость взять крѣпость штурмомъ; но Потемкинъ на штурмъ не рѣшался, не испробовавъ всего возможнаго, чтобъ принудить ихъ къ сдачѣ города.

Флотъ севастопольскій, охранявшій берега Крыма, который въ концѣ іюля у Фидониси разбилъ Гассанъ-пашу и заставилъ его уйти къ Березани, былъ теперь опять вытребованъ Потемкинымъ для того, чтобы прогнать Гассанъ-пашу и отнять у осажденныхъ всякую надежду на помощь со стороны. Гассанъ-паша впрочемъ не дождался новаго сраженія на морѣ, тѣмъ болѣе, что ожидалъ бурь, при которыхъ ему невозможно было держаться въ открытомъ морѣ. Узнавъ о движеніи севастопольской русской эскадры, онъ 4 ноября отплылъ

въ Аккерманъ. Потемкинъ воспользовался этимъ, чтобъ взять Березань и послалъ туда Головатаго съ его запорожскими дубами и нѣсколькими пушками на нихъ.

„Предпріятіе сіе передъ лицемъ всей арміи произведено было въ дѣйство съ совершеннымъ успѣхомъ“, какъ говорится о томъ въ реляціи о взятіи Березани [1]). На островѣ былъ гарнизонъ турокъ въ 320 человѣкъ и крѣпость въ южной его части; на сѣверной его сторонѣ, гдѣ берегъ въ одномъ мѣстѣ переходитъ въ мель и представляетъ возможность для восхожденія на островъ, турки построили каменную стѣну, такую же отвѣсную, какъ и всѣ остальные спуски берега, надъ этимъ мѣстомъ для отраженія нападенія они поставили баттарею, огнемъ изъ которой встрѣтили приближавшихся запорожцевъ. Послѣдніе дали залпъ изъ пушекъ и ружей, бросились въ воду и подъ картечами и пулями взлѣзли на неприступную почти стѣну; выгнавъ турокъ изъ баттареи, затѣмъ они пушками этой баттареи стали обстрѣливать самую крѣпость березанскую.

Въ это время для поддержанія аттаки запорожцевъ нѣсколько русскихъ фрегатовъ подошло къ острову, а бригадиръ Рибасъ открылъ пальбу по березанской крѣпости изъ канонирскихъ лодокъ. Турки сдались, потерявъ 70 человѣкъ убитыми. У запорожцевъ было убито 5 атамановъ и 24 рядовыхъ козака; 11 знаменъ, 23 пушки, 1000 ядеръ и 2300 четвертей хлѣба достались побѣдителямъ. Въ тотъ же день кошевой Чепига, ходившій по берегу, подступилъ къ замку Хаджи бею и тамъ уничтожилъ большіе запасные магазины у турокъ.

Очаковцы были отрѣзаны со всѣхъ сторонъ, но не хотѣли сдаваться. 11 ноября ночью они сдѣлали еще одну четвертую вылазку, напавши на рабочихъ, возводившихъ на лѣвомъ флангѣ у берега лимана брешь-баттарею, гдѣ по оплошности не было поставлено наблюдательныхъ постовъ. При отбитіи этого нападенія былъ убитъ съ нашей стороны еще одинъ генералъ-майоръ Максимовичъ. Потемкинъ рѣшился наконецъ на штурмъ, котораго такъ долго желалъ избѣжать. На лѣвомъ флангѣ онъ поставилъ еще двѣ баттареи для разрушенія восточнаго бастіона у Водяныхъ воротъ и образованія бреши для наступленія. Но 14 ноября, когда онъ думалъ повести

---

[1]) *Скальковскій*, Исторія Запорожской Сѣчи, 1845 т. III. Стр. 220.

штурмъ, „буря возстала столь великая, что суда наши въ проливѣ отъ стороны тронуться не могли“, какъ писалъ объ этомъ императрицѣ самъ князь. Для поддержанія штурма со стороны суши ему необходима была помощь судовъ; но снѣгъ и вьюга, „необычайныя“ по его словамъ, продолжались. 24 ноября, въ день имянинъ императрицы, не удалось сдѣлать штурма по тѣмъ же причинамъ. Только 1-го декабря былъ составленъ планъ аттаки начальникомъ инженерныхъ работъ, генераломъ Меллеромъ, по которому наступленіе на крѣпость должно было произойти со всѣхъ сторонъ 6-ю колоннами: 4 изъ нихъ съ праваго флапга должны были идти подъ начальствомъ Репнина съ сѣверо запада по берегу моря и черезъ валы ретраншамента, чтобы взять замокъ Гассанъ-паши и пройти въ главную крѣпость черезъ ворота Гассанъ-пашинскія, Стамбульскія и Бендерскія. Съ лѣваго фланга Меллеръ долженъ былъ ворваться въ крѣпость черезъ разрушенный бастіонъ у Водяныхъ воротъ надъ берегомъ лимана. Потемкинъ 1-го декабря еще разъ пересмотрѣлъ планъ аттаки, подписалъ его и дополнилъ нѣкоторыми наставленіями въ родѣ того, что главныя усилія сосредоточиваются на сторонѣ Меллера, для чего резервъ долженъ помогать ему. Въ „расположеніи генеральной аттаки Очакова“ предоставлялось Меллеру передъ штурмомъ производить пальбу изъ баттарей резерва, а резерву, въ случаѣ стремленія непріятельскаго къ баттареямъ, „быть готовымъ къ принятію онаго“. Всѣ колонны должны были „идти на штыкахъ, не занимаясь перестрѣлкой“, „не кидаться на добычь, а поступать съ храбростью, свойственною россійскому войску, возлагая несомнѣнную надежду на помощь Христа Спасителя нашего... Кто изъ турокъ будетъ сдаваться, то отбирать оружіе и отсылать къ резерву, женщинъ же и младенцевъ щадить, отсылая ихъ туда же“.

Въ дополненіяхъ Потемкина было сказано между прочимъ: „Чтобъ войти въ крѣпость купно съ непріятелемъ я почитаю невозможнымъ; входы извѣстны только имъ, куда побѣгутъ они малыми кучами, спуски во рвы тоже незнакомы, разстраиваться намъ вредно. Стараться выгнать изъ ретраншамента, отнять землянки, аттакуя со всѣхъ сторонъ. Когда услышите крикъ ура! въ которой ни есть колоннѣ, то всѣмъ другимъ повторить“. Наконецъ, Потемкинъ отмѣнилъ канонаду, назначенную по „расположенію“, и прика-

залъ „строю дѣйствовать, какъ возможно стремительнѣе, что исполнить во всей точности“.

Штурмъ начался въ 7 часовъ утра 6-го декабря при 23 градусномъ морозѣ и въ дѣйствительности вышелъ болѣе удачнымъ, чѣмъ ожидалось по „расположенію“ и дополненіямъ князя. Не только турки не выступили изъ за ретраншамента противъ резерва, оставшагося у батарей, но въ одномъ мѣстѣ (у замка Гассанъ-паши) даже сдались въ плѣнъ въ количествѣ 1500 душъ; русскія войска вошли скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, въ самую крѣпость. Шли они съ „неописаннымъ мужествомъ и порядкомъ“, какъ характеризовалъ этотъ штурмъ на другой день Потемкинъ въ письмѣ своемъ къ императрицѣ, или же, какъ выразился полковникъ Петровъ, почти черезъ сто лѣтъ изучившій по всѣмъ документамъ это военное дѣло — „съ изумительнымъ хладнокровіемъ“.

Первыми вступили колонны Меллера и отворили изнутри крѣпости ворота Гассанъ-пашинскія и Стамбульскія для входа другихъ колоннъ, подошедшихъ съ с. з. На правомъ флангѣ дѣйствовали такъ быстро, что успѣли насыпать два вала и поставить одну баттарею на берегу лимана между Гассанъ-пашинскимъ замкомъ и крѣпостью.

Въ четверть девятаго уже смолкли выстрѣлы и крики нападающихъ, а подъ звуки холоднаго оружія раздавались только стоны умирающихъ и вопли матерей, защищающихъ дѣтей своихъ. Потемкинъ, не разсчитывавшій на полный успѣхъ нападенія, обманулся; но обманулся онъ и въ томъ, что приказы его о пощадѣ побѣжденныхъ могутъ быть исполнены. Турки и не просили пощады, а русскіе, разогрѣвая застывшую отъ морозовъ кровь и вымещая свои долгія бѣдствія въ лагерѣ, забыли о приказѣ гуманности. Если вступленіе войскъ произошло лучше, чѣмъ по писанному плану, то и способъ вступленія вышелъ совсѣмъ иной; при переходѣ черезъ стѣны крѣпости не понадобилось ни лѣстницъ, ни безпорядочнаго сбѣганія во рвы: рвы крѣпостные у стамбульскихъ воротъ въ 3½ сажени глубиною были наполнены трупами, по которымъ войска проходили въ крѣпость. Этой то картины смерти и не хотѣлось видѣть Потемкину, такъ долго оттягивавшему штурмъ. Взять крѣпость безъ кровопролитія и получить за это Георгія и благодарность государыни

очень хотѣлось свѣтлѣйшему князю, какъ то утверждалъ еще при началѣ войны и самъ императоръ Іосифъ II, разорять одинъ за другимъ бастіоны крѣпости издали посредствомъ пушекъ по правиламъ европейской науки—онъ могъ; но видѣть и слышать безчеловѣчныя подробности человѣческой бойни вблизи ея было сверхъ его силъ. Тотъ одинъ часъ съ четвертью 6-го декабря, когда шла эта бойня, онъ провелъ въ отчаянномъ состояніи: то садился на землю у одной изъ своихъ баттарей и подпиралъ голову руками, то вскакивалъ и прислушивался къ „бранным кликамъ", доносившимся изъ города, и безпрестанно повторялъ только два слова: „Господи помилуй!"

Къ нему привели очаковскаго коменданта Гуссейнъ-пашу, взятаго уже въ плѣнъ.

— Твоему упрямству обязаны мы этимъ кровопролитіемъ! крикнулъ на него Потемкинъ.

— Оставь напрасные упреки, отвѣчалъ фаталистъ мусульманинъ: я исполнилъ свой долгъ, а ты—свой. Судьба рѣшила дѣло![1]).

Турокъ убито было $9^1/_2$ тысячъ, да въ плѣнъ взято 4 тысячи (не считая обывателей), въ томъ числѣ одинъ трехъ-бунчужный паша (Гуссейнъ паша), 3 двухбунчужныхъ и 448 офицеровъ. Русскихъ погибло болѣе $2^1/_2$ тысячъ, въ томъ числѣ одинъ генералъ-майоръ, одинъ бригадиръ и 147 офицеровъ. Цѣлыхъ знаменъ, не считая поломанныхъ въ бою, взято 180, мортиръ и пушекъ 310; прочаго оружія хватило на нѣсколько тысячъ солдатъ, и они продавали его потомъ за безцѣнокъ. Труповъ убитыхъ нельзя было закопать въ промерзшую землю и ихъ вывозили на ледъ лимана, гдѣ они и лежали до весны, привлекая къ себѣ хищныхъ птицъ и звѣрей.

Потемкина ждала награда: „За уши взявъ обѣими руками, писала ему Императрица отъ 16-го декабря: мысленно тебя цѣлую, другъ мой сердечный, князь Григорій Александровичъ, за присланную съ полковникомъ Бауеромъ вѣсть о взятіи Очакова"[2]). Она за „труды арміи въ суровой зимѣ" велѣла выдать не въ зачетъ полугодовое жалованье изъ экстраординарной суммы, Потемкину же кромѣ

---

[1]) *Богдановичъ*. Поход. Рум. Пот. Сувор. Стр. 161.

[2]) *Петровъ*. Вторая турецкая война. Т. I, стр. 203.

ордена св. Георгія первой степени, шпагу, усыпанную бриллiантами и 100,000 рублей. Два ордена получилъ Меллеръ, прозванный барономъ Закомельскимъ, офицеры—золотые кресты, а солдаты—серебряныя медали.

VI.

„Судьба рѣшила дѣло",—и Очаковъ сталъ русскимъ городомъ. Было бы очень интересно познакомиться съ тѣмъ, какое значенiе имѣлъ этотъ городъ въ общей экономiи жизни турецкой имперiи въ теченiе своего трехсотлѣтняго существованiя; но мы, къ сожалѣнiю, не можемъ почти ничего сообщить объ этомъ читателямъ. Русская историческая литература не даетъ свѣдѣнiй о томъ, какъ жили турки на берегу Чернаго моря, а турецкiе историческiе источники для насъ закрыты. Пора бы уже нашимъ ученымъ для разъясненiя исторiи новороссiйскаго края обратиться къ турецкимъ и персидскимъ источникамъ; тѣмъ болѣе, что изъ учениковъ крымскихъ гимназiй найдутся несомнѣнно охотники для такихъ занятiй въ университетѣ. До сихъ поръ даже общiя свѣдѣнiя о военныхъ столкновенiяхъ двухъ племенъ—славянскаго и турецко-татарскаго мы можемъ черпать только изъ одностороннихъ показанiй русскихъ писемъ, разсказовъ и оффицiальныхъ реляцiй, по которымъ всегда выходитъ, что въ данной битвѣ русскихъ убито и ранено было въ 4—5 разъ меньше, чѣмъ турокъ.

Изъ источниковъ южныхъ, говорящихъ о степи и судьбахъ ея, послѣ документа Константина Багрянороднаго, кажется, мы знаемъ очень мало. Исторiя Крыма и Запорожья основывается вся на русскихъ свѣдѣнiяхъ. Изучая въ Константинополѣ византiйскiя древности, мы игнорируемъ пока турецкiе разсказы, касающiеся насъ самихъ и того края, который достался намъ отъ турокъ. По незнанiю турецкаго языка приходится по догадкѣ слово Очаковъ производить отъ занятаго нами у турокъ слова „очагъ", обозначающаго у нихъ „костеръ". Руководясь такимъ этимологическимъ указанiемъ, дальше мы можемъ предполагать, что на мысѣ очаковскомъ былъ вѣроятно у турокъ въ свое время маякъ, и этимъ предположенiемъ объяснять значенiе Очакова для турецкаго мореплаванiя. Каково же

было отношеніе этого города къ населенію прилегающей степи, какъ пользовалось съ другой стороны населеніе выгодами отъ мореплаванія по внутреннему турецкому морю, —мы сказать почти ничего не можемъ.

Есть отрывочныя извѣстія, что въ Очаковѣ формировались турецкіе купеческіе караваны, которые ходили отсюда съ товарами въ Кіевъ и Москву; сюда являлись за солью чумаки изъ польско-литовскаго государства, а изъ Голты и Балты везли польскіе товары. Остальныя подробности жизни въ очаковской степи, гдѣ жили кромѣ татаръ эдиссанской орды и румыны, и бѣглые изъ литовскаго государства, закрыты разсказами о набѣгахъ сюда козацкихъ дружинъ и о наступленіяхъ регулярныхъ войскъ изъ далекой Московіи Въ Москвѣ узнали объ Очаковѣ еще при самомъ его возникновеніи. Крымскій ханъ Менгли-Гирей въ 1492 году на постройку этой крѣпости, предназначаемой имъ противъ литовскаго государства, занялъ у жителей города Кафы 33 тысячи алтынъ и требовалъ, чтобы московскій великій князь Іоаннъ, врагъ литовскаго княжества, возвратилъ ему эти деньги. Но тотъ не видѣлъ возможности безпокоить Литву изъ такого отдаленнаго пункта, денегъ не далъ, а требовалъ отъ хана нашествій на Литву[1]). Могъ ли дѣйствительно Очаковъ служить устрашеніемъ для Литвы,—не видно не изъ чего; но на эту новосозданную крѣпость нападенія съ сѣвера начались тотчасъ же по ея постройкѣ. Остапъ Дашкевичъ съ козаками уже въ 1525 г. взялъ эту крѣпость, замѣтивъ, что она стала какъ разъ на стародавнемъ выходѣ сѣверныхъ варваровъ въ море на пути ихъ къ Византіи.

Съ тѣхъ поръ начинается долгая неустанная борьба за клочекъ земли у устья Днѣпра, который Екатерина въ приведенныхъ выше стихахъ ея назвала „заклепнами", а Потемкинъ—„ключемъ въ Черное море". Расторгнуть эти заклепны" конечно было важнѣе для формировавшейся Россійской имперіи, чѣмъ даже овладѣть Азовомъ, который давалъ входъ къ лужѣ воды, удаленной отъ Константинопольскаго пролива. Это было старинное окно въ Европу для жителей южной Руси еще во времена могущества кіевскихъ князей,

[1]) Карамзинъ. Исторія Гос. Рос. Изд. 1819 г. Т. VI, стр. 237.

а может быть и раньше. Московское государство обратило на него вниманіе еще за долго до присоединенія къ нему южной Руси. Еще когда для него были „Украиною" земли между Тулою и Рязанью, еще когда крымскіе ханы ходили походами подъ самую Москву и жгли ее, требуя дани подарками, а съ Литвы брали дань угоняемыми скотомъ и людьми,—уже князь Димитрій Вишневецкій съ первыми запорожцами разорялъ стѣны Очакова, а дьякъ Ржевскій и сокольничій Адашевъ, взявъ эту крѣпость, ходили изъ подъ нея узнавать дорогу въ Крымъ моремъ (1555—59) [1]. Такіе розыски доказывали впрочемъ только, что если изъ Московіи трудно дойти до Крыма и полемъ, то моремъ, до берега котораго слишкомъ далеко,—и еще того труднѣе. Занять Очаковъ въ полное владѣніе не было тогда силъ ни у литовскаго государства, ни у московскаго; тѣмъ менѣе могли сдѣлать это ближніе сосѣди запорожцы, самое существованіе которыхъ подвержено было разнымъ случайностямъ Но съ другой стороны и турки цѣнили значеніе Очаковской крѣпости и крымскіе ханы смотрѣли на нее, какъ на такой „хребетъ" [2], за которымъ имъ удобно было укрываться отъ нападеній гяуровъ.

Такъ Очаковъ съ первыхъ дней своего существованія получилъ значеніе главнымъ образомъ стратегическое. Его онъ сохранилъ за все время существованія своего въ рукахъ турокъ, даже и тогда, когда площадь очаковской земли между Днѣстромъ, Бугомъ и Кодымью стала мало по малу заселяться колонизаціею съ сѣвера и запада. Послѣ нападеній турки поправляли испорченныя стѣны крѣпости, имѣвшіе по описанію Боплана въ 30-хъ годахъ XVII вѣка 25 фут. вышины; но не видно ни изъ чего, чтобы у устья рѣчки Ямчокрана, т. е. въ Березанскомъ лиманѣ турки думали когда нибудь устроить гавань для судовъ: торговая дѣятельность города очевидно была малозначительна.

По разсказу Боплана въ его время было въ Очаковѣ двѣ крѣпости: одна—на горѣ, обнесенная стѣнами, а другая—на косѣ съ нѣсколькими пушками для обстрѣливанія устья днѣпровскаго, на другой сторонѣ котораго, т. е. на кинбурнской, у нихъ была еще одна башня для наблюденія за движеніями козаковъ изъ Днѣпра

[1] Соловьевъ. Исторія Россіи съ древн. врем. т. VI, стр. 121.
[2] Ib. т. VII, стр. 131.

въ море. Но такъ какъ козаки, мстя за разоренія Украины, имѣли обыкновеніе проходить очаковское устье въ самую темную ночь передъ новолуніемъ, то турки въ такихъ случаяхъ, не нанеся имъ вреда, успѣвали только дать знать по берегу до самаго Константинополя о ихъ выходѣ въ море, чтобы и берега Анатоліи, Булгаріи и Румеліи и купеческіе корабли на морѣ береглись отъ хорошо имъ знакомыхъ гостей [1]).

По словамъ Боплана подъ крѣпостью Очаковскою на протяженіи отъ ея стѣнъ до двухъ овраговъ были расположены два города, а жителей въ Очаковѣ считалось 2000. Можно думать, что позже, когда со времени Дорошенка отношенія козаковъ къ Крыму измѣнились и послѣдніе перешли наконецъ въ подданство хана, очаковская земля стала жить лучше, и центръ ея Очаковъ сталъ разростаться. Можетъ быть, именно къ этому времени затишья военнаго нужно отнести и возникновеніе тѣхъ постоянныхъ молдавскихъ поселеній въ очаковской области, въ которыхъ православныя церкви во второй половинѣ XVIII вѣка освящали митрополиты молдавскіе, носившіе титулъ Просвлавскихъ. Правда, всѣ почти поселенія эти (Дороцкое, Магалы, Кучіеры, Погребы, Ясски и др.) появляются по большей части надъ теченіемъ Днѣстра, и только изрѣдка—среди степи (Гарагановка); но землю очаковскую вплоть до Буга и Кодымы молдаване зовутъ уже Ханскою Украиною, а не Эдиссанскою ордою [2]). Не будемъ забывать и того, что въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, когда запорожцы подружились съ ханомъ, походы изъ Москвы направлялись больше къ Азову, чѣмъ въ эту сторону Чернаго моря, а одинъ походъ Петра I на Прутъ былъ неудаченъ и окончился ничѣмъ. Оттого вѣроятно и ростъ населенія въ Очаковѣ и его краѣ теперь пошелъ быстрѣе. Минихъ, пришедши къ Очакову, засталъ въ немъ не то 20—30, а можетъ быть даже и 40 тысячъ жителей [3]); слѣдовательно, тогда Очаковъ былъ однимъ изъ многолюдныхъ городовъ своего времени.

[1]) Описаніе Украины. Сочиненіе Боплана. Спб. 1832, стр. 32, 64—66.

[2]) Херсонскія епархіальныя вѣдомости 1861. Приложенія. Также Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей, т. II, стр. 140—178.

[3]) *Шмидтъ*. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Херсонская губ. 1863, ч. II, стр. 777. *Соловьевъ*, т. XX, стр. 117 sqq.

Послѣ рѣшительнаго наступленія русской имперіи на турецкую въ 1735—40 годахъ, когда и запорожцы перешли изъ за Днѣпра въ новую сѣчь и возобновили нападенія на крымцевъ, западныя государства стали относиться съ опасеніемъ къ усиленію Россіи; французы первые для этой цѣли помогли туркамъ укрѣпить Очаковъ. Французскіе инженеры, исправивъ высокія стѣны внутренней крѣпости, улучшали и внѣшніе валы ретраншементы, окруживъ ихъ рвами. Вотъ почему Потемкинъ, подходя къ Очакову, писалъ Императрицѣ, что „турки не тѣ ужь стали и чортъ ихъ научилъ“ оборонять крѣпость, а она ему совѣтовала каждаго попавшагося въ плѣнъ француза засылать какъ можно дальше въ Сибирь, для того, чтобъ отвадить въ будущемъ любителей войны пріѣзжать къ туркамъ на помощь.

Сколько было жителей въ Очаковѣ отдѣльно отъ гарнизона во время послѣдней войны, рѣшившей его судьбу,—сказать трудно, какъ трудно добраться истины по этому вопросу и изъ рапортовъ Миниха и доносовъ на него, показывавшихъ разныя цифры. Нужно полагать, что въ концѣ XVIII вѣка здѣсь вмѣстѣ съ погибшими войсками было не менѣе 25000 душъ. Богатства, разграбленныя солдатами, на произволъ которыхъ городъ былъ отданъ на три дня, были несмѣтны. Богатыя одежды, жемчугъ, золотыя и серебряныя вещи и уборы продавались ими потомъ за безцѣнокъ. Денегъ захвачено было такъ много, что голландскій червонецъ на рынкахъ потомъ шелъ въ 2 рубля, а турецкій левъ—въ 30 копѣекъ. Вотъ все, что мы можемъ сообщить о городѣ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ достался русскимъ 6 декабря 1788 года.

По взятіи Очакова война съ турками продолжалась еще три года, но военныя дѣйствія перенесены уже были на устья Дуная и за Прутъ. Потемкинъ уже одинъ начальствовалъ надъ всею арміею, проживая то въ Яссахъ, то въ Петербургѣ, а въ битвахъ непосредственно участвовали Суворовъ, Репнинъ и другіе полководцы. Въ 1789 г. Императрица писала Потемкину, что Очаковскую крѣпость

разрывать не нужно—„ради безопасности лимана и вывода кораблей, дондеже не устроена новая граница“ [1]). Теперь Очаковъ сталъ служить уже русскимъ, прикрывая своими пушками флотъ, который ходилъ отсюда на Дунай на помощь сухопутнымъ войскамъ. Флотъ этотъ сталъ увеличиваться, потому что въ томъ же году у устья Ингула въ Бугъ Потемкинымъ назначено было прекрасное мѣсто для верфи, и тутъ основанъ городъ, названный Николаевымъ въ честь взятія Очакова въ день св. Николая.

Послѣ побѣдъ Суворова при Фокшанахъ и Рымникѣ, послѣ занятія русскими войсками Хаджибея (гдѣ нынѣ Одесса), Аккермана, Киліи, Бендеръ и др. городовъ, Императрица осенью 1790 г. требовала уже отъ Порты для заключенія мира земель по Днѣстръ, подтвержденія старыхъ договоровъ и соглашеній, по которымъ Крымъ отошелъ къ Россіи и на востокѣ признана была границею р. Кубань, а также—составленія изъ Болгаріи, Молдавіи и Валахіи особаго христіанскаго княжества. Турки, надѣясь на помощь Англіи и Пруссіи, сильно опасавшихся увеличенія могущества Россіи, готовы были признать новою границею р. Днѣстръ вмѣсто старой Буга и Кодымы, но требовали себѣ возвращенія Крыма. Поэтому война еще продолжалась; Суворовъ взялъ Измаилъ, о которомъ писалъ, что „нѣтъ крѣпости крѣпче“ его; де-Рибасомъ были взяты Тульча, Исакча; наконецъ послѣ пораженія подъ Мачиномъ турки должны были согласиться на требованія императрицы. Война могла затянуться еще, такъ какъ Потемкинъ къ этимъ условіямъ прибавлялъ еще требованіе 20 милліоновъ контрибуціи; но онъ заболѣлъ и, выѣхавъ изъ Яссъ въ Николаевъ, померъ въ дорогѣ, проѣхавъ всего одну станцію. Миръ въ Яссахъ заключенъ былъ 29 декабря 1791 года, и вся земля Очаковская стала частью Екатеринославской губерніи.

Поселившіеся здѣсь запорожцы, какъ выше сказано, были переселены на Тамань, а земли между Бугомъ и Днѣстромъ екатеринославскій губернатокъ Каховскій спѣшно сталъ раздавать новымъ владѣльцамъ. Эта раздача шла такъ быстро, что когда правительство замѣтило, что для увеличенія народонаселенія нужно привлечь сюда нѣмцевъ, то для этихъ колонистовъ пришлось уже покупать

[1]) „Рус. Старина“ 1876., сентябрь

земли у новосозданныхъ помѣщиковъ изъ молдавской и русской аристократіи. Губернаторъ былъ озабоченъ выборомъ мѣста на пріобрѣтенномъ берегу Чернаго моря для торговаго порта. По этому поводу въ 1792 году, указывая на Очаковъ, онъ писалъ въ своемъ представленіи, что „нѣсколько вѣковъ продолжавшаяся въ семъ мѣстѣ торговля есть довольнымъ побужденіемъ къ возобновленію тутъ города и неприкословною надеждою скораго поселенія въ немъ жителей, промышленниковъ, торгующихъ и купцовъ разныхъ націй [1])“. Но эта „неприкословная надежда“ губернатора не оправдалась.

Торговой гавани въ Очаковѣ не было и нѣтъ; какъ и прежде, въ немъ устроенъ Николаевскій ретрашементъ, передѣланный изъ башни Гассанъ-паши, и крѣпость съ гарнизономъ, а жители остались рыбаками, каковыми были ихъ предшественники въ теченіи многихъ вѣковъ.

Николаевъ, основанный въ честь взятія Очакова, и другой городъ, возникшій вслѣдъ затѣмъ на мѣстѣ Хаджибея,— Одесса опередили Очаковъ въ торговомъ развитіи. За сто лѣтъ на мѣстахъ пустыхъ, гдѣ посажены были эти города, поселилось въ одномъ до 200 тысячъ жителей, а въ другомъ до 80; существовавшій при взятіи Очакова г. Херсонъ считаетъ теперь уже 65 тысячъ населенія; на старомъ же пепелищѣ города Очакова число жителей за 1887 годъ считается всего въ 7 тысячъ [2]).

Увеличеніе населенія шло тутъ очень туго: въ началѣ настоящаго столѣтія въ 1816 г. (по 7-й ревизіи) ихъ было 3 тысячи, въ 1835 году — 4, въ 1851-мъ—$4^1/_2$, и въ 1857 — $5^1/_2$ тысячъ. Торговля рыбою и солью, добываемою на противоположномъ берегу въ Прогнояхъ,— вотъ вся отпускная торговля, которую ведутъ въ Очаковѣ евреи, забравшіе мѣстное населеніе въ кабалу. Уже въ описаніи херсонской губерніи 1863 года мы находимъ характеристику этой кабалы, которая держится па раздачѣ рыболовнымъ артелямъ впередъ денегъ и на спаиваніи рыбаковъ водкою, разбавленною водою; авторъ описанія губерніи дѣлаетъ при этомъ выводъ, что „чѣмъ

---

[1]) Шмидтъ Херс. губ., 1863, ч., II стр. 777.
[2]) Сборникъ Херс. земства, 1888, № 6, стр. 32.

большее число городскихъ жителей оставятъ земледѣліе, тѣмъ и добыча евреевъ бываетъ значительнѣе [1]).

То же самое находимъ и въ описаніи одесскаго уѣзда, произведенномъ 20 лѣтъ спустя [2]).

Кромѣ рыболовства жители Очакова и его пригородныхъ хуторовъ—двухъ Бейкушей и Куцюруба занимаются земледѣліемъ—на земляхъ, которыя берутъ въ аренду у городскаго управленія за годовую плату [3]). Значитъ, характеръ жизни въ Очаковѣ не измѣнился послѣ переименованія его изъ турецкаго города въ русскій и послѣ замѣны турецкаго населенія русскимъ; разница вышла та только, что морская торговля, какая была прежде изъ этого пункта черезъ Черное море, перешла въ Николаевъ и Одессу, которая въ нынѣшнемъ году стала первымъ городомъ въ Россіи по количеству отпускаемаго изъ ея порта хлѣба. Чтобъ читатели могли видѣть, какое ничтожное значеніе имѣетъ теперь Очаковъ, на осаду котораго ушло почти $1^1/2$ года, а взятіе котораго стоило многихъ тысячъ людей и многихъ милліоновъ рублей, приведемъ цифры, ка-

---

[1]) Шмидтъ. Херсонская губернія 1863 г. ч. II стр. 799.

[2]) Такъ какъ „посудъ", т. е. всѣ приспособленія для ловли рыбы, особенно удачной во время хода ея изъ моря въ лиманъ, обходится рублей въ 400—1000, то рыбаковъ, ловящихъ своими сѣтями и на своихъ лодкахъ, въ Очаковѣ нѣтъ: всѣ они—въ полной зависимости у хозяевъ артелей -евреевъ, которые выдаютъ имъ съ осени и зимы задатки, которыхъ имъ едва хватаетъ на прожитіе; берутъ проценты за эти задатки, плату за пользованіе орудіями лова, а пойманную рыбу,—по впередъ условленной цѣнѣ. Когда какой нибудь сортъ рыбы продается на очаковскомъ базарѣ по 1 р. 20 к. за пудъ, рыбакъ долженъ отдавать ее своему хозяину по 40—60 коп. На свой рискъ ловить рыбу ему не на что и нечѣмъ; продавая же рыбу пойманную нанятыми снастями, онъ успѣваетъ своему кредитору за лѣто уплатить половину или $^3/_4$ всего долга: на зиму дѣлаетъ новый заемъ и т. д. Въ такихъ вѣчныхъ неоплатныхъ долгахъ живутъ на очаковскихъ земляхъ потомки запорожцевъ, ходившихъ сюда на „ляму" еще во времена турецкаго владѣнія устьемъ Днѣпра.

[3]) Управленіе городское, состоящее изъ лицъ, мало причастныхъ къ земледѣлію, думаетъ, конечно, не о нуждахъ жителей, а о такихъ предпріятіяхъ, какъ, напр., постройка моста черезъ березанскій лиманъ, которыя могутъ дать заработки не столько массѣ населенія, сколько подрядчикамъ; потому ни земледѣліе, ни рыболовство не поднимаютъ торговаго значенія города; въ немъ идетъ торговля лишь сѣномъ, огородными овощами, водкою да бакалейными товарами; да и эта вся торговля существуетъ въ зависимости отъ покупателей, служащихъ въ переведенной въ Очаковъ изъ Николаева крѣпостной артиллеріи. (Шмидтъ, стр. 129, 20, 147).

кія намъ удалось добыть за послѣдніе годы для сравненія его величины съ побѣдившими его соперниками.

Цѣнность недвижимыхъ имуществъ города Очакова (число которыхъ въ 1887 году было всего 814) опредѣлена въ 413 тысячъ рублей, тогда какъ Херсона—въ 4 милліона съ лишнимъ, Николаева—въ 7 милліоновъ, а Одессы—въ 100 милліоновъ[1]); доходовъ и расходовъ меньшій изъ этихъ городовъ Херсонъ имѣетъ до 300 тысячъ, а наибольшій, т. е. Одесса—2.648.000 рублей, Очаковъ же—только 81—85 тысячъ. Но и эта послѣдняя цифра очевидно установлена городскимъ управленіемъ по форсированной оцѣнкѣ послѣднихъ лѣтъ, такъ какъ дѣйствительныхъ поступленій по раскладкѣ 1886 года было 37 тысячъ, а по раскладкамъ 1885 и 1884 годовъ всего только 16—17 тысячъ. Если судить о торговой дѣятельности города по числу поступленій въ казну торговыхъ пошлинъ, то и тутъ мы увидимъ такія же отношенія цифръ. За торговые документы, выданные въ 1885 и 1886 годахъ, поступило по городу Одессѣ 312 и 400 тысячъ, по Николаеву—51 и 56 тысячъ, по Херсону—38 и 42 тысячи рублей; по Очакову же—только 4.388 и 4.608 рублей.

Таковъ теперь Очаковъ, изъ котораго въ настоящее время напрасно вы будете искать корреспонденцій въ газетахъ, но который былъ предметомъ всеобщаго вниманія 100 лѣтъ тому назадъ и далъ имя своей эпохѣ, оставивши много страданій среди семей и родственниковъ убитыхъ подъ его стѣнами. Нѣсколько героевъ, павшихъ на штурмѣ и во время осады, похоронены въ Херсонѣ въ оградѣ собора, построеннаго внутри крѣпости съ надписью надъ входными дверями: „Спасителю рода человѣческаго Екатерина II посвящаетъ". Кромѣ упомянутыхъ нами выше Корсакова, Максимовича и Синельникова, тутъ же похоронены бригадиръ И. П. Горичъ, генералъ-майоръ С. А. Волхонскій, убитые на штурмѣ Очакова. Особенно интересна большая каменная плита надъ гробомъ войска донскаго полковника Мартынова, убитаго тогда же на 22-мъ году жизни. Въ длинной реторической эпитафіи о пучинахъ, крою-

---

[1]) Сборникъ херсонскаго земства 1887, № 5. Оцѣночныя данныя для опредѣленія стоимости городовъ, посадовъ и мѣстечекъ херсонской губерніи. Стр. 68.

щихся „среди яснѣйшихъ годинъ", и тлѣнности честей и славы, между прочимъ на память вѣкамъ на этомъ камнѣ вырѣзано:

„Я видѣлъ въ жизни вся, былъ генеральскій сынъ,
Еще въ младыхъ лѣтахъ цвѣлъ славою какъ кринъ,
Донскимъ полковникомъ отечеству служилъ,
Близъ стѣнъ Очакова враговъ каралъ-губилъ.
Но злой агарянинъ въ Очаковѣ въ бою
Коварно изо рва похитилъ жизнь мою...
О жизнь, о строга смерть! Я на Дону рожденъ,
Но вотъ въ чужой странѣ безъ сродныхъ погребенъ!
Остались сродники по мнѣ отецъ и мать
Которы будутъ ввѣкъ слезъ токи проливать.
Чадолюбива мать, какъ горлица стеная
Ланиты нѣжныя слезами орошая
Повсюду будетъ мя съ тоскою злой искать
И памятью моей печали умножать"...

и т. п. Конечно не объ одномъ этомъ Мартыновѣ лились „слезъ токи" изъ глазъ лицъ, теперь уже прекратившихъ свое существованіе. Остатки костей главнокомандовавшаго подъ Очаковымъ, три раза откопанныя за истекшія 100 лѣтъ [1]) и три раза вновь положенные въ особый ящикъ, лежатъ въ томъ же крѣпостномъ соборѣ; на надгробномъ камнѣ, находящемся въ срединѣ церкви, помѣщены среди нѣсколькихъ медальоновъ имена городовъ, завоеванныхъ или построенныхъ княземъ. На право отъ верхняго медальона съ надписью „Крымъ и Кубань" помѣщенъ меньшій медальонъ со словами „Очаковъ 1788". Рядомъ съ гробницею князя на стѣнѣ собора около кресла, гдѣ сидѣла императрица Екатерина II въ бытность свою въ Херсонѣ, вдѣлана доска изъ чернаго мрамора съ надписью: „Свѣтлѣйшему князю Потемкину-Таврическому. Херсонское земство. 1865".

---

¹) Руская Старина 1875. Статья Попова о жизни Потемкина.

Послѣднее этимъ почтило память князя не какъ полководца, а какъ администратора завоеваннаго имъ края.

Таковы вещественные памятники осады и взятія Очакова[1]).

А. Русовъ.

---

[1]) Въ самомъ Очаковѣ, въ настоящемъ году, по поводу истеченія ста лѣтъ со времени событія, когда старое Русское море стало опять русскимъ, явилась мысль увѣковѣчить это событіе постановкою памятника, на сооруженіе котораго потребовалось бы 5000 рублей. Если бы это предположеніе было осуществлено, то въ Очаковъ, этотъ бывшій ключъ къ Черному морю, вѣроятно съѣхались бы на торжество люди, смотрящіе на исторію Россіи въ послѣднее столѣтіе такъ, какъ смотритъ Эмиль Ферръ, авторъ книги „La Russie politique et diplomatique" и редакція журнала „Revue des deux mondes": можетъ быть и въ будущемъ путешественники, осматривающіе Одессу и Николаевъ, заворачивали бы на полъ-дороги въ Очаковъ посмотрѣть на памятникъ, въ которомъ выразилось сознаніе гражданъ этого города относительно значенія въ исторіи Россіи 6-го декабря 1788 года. Но этому предположенію не суждено было сбыться. Дума г. Очакова отвергла предложеніе о памятникѣ и по сообщенію газеты „Одесскія Новости" постановила отпраздновать день 6-го декабря — „скромно, по своимъ средствамъ". Кромѣ этихъ поминокъ дума постановила называть въ честь взятія Очакова сто лѣтъ тому назадъ, мореходное училище, когда оно будетъ здѣсь открыто,—„Екатерининскимъ". Этимъ очевидно, и ограничится празднованіе истекающаго столѣтія со времени взятія Очакова.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 9 декабря 1888 г.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайловская ул., домъ № 4


2007099231